

СМЕНА

8 1961

Н.С. ХРУЩЕВ

«КОГДА МЫ ГОВОРИМ О ЦЕЛИНЕ, ОБ ОСВОЕНИИ МИЛЛИОНОВ ГЕКТАРОВ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ, ТО ЭТОТ НАРОДНЫЙ ПОДВИГ СПРАВЕДЛИВО СВЯЗЫВАЕМ С ГЕРОИЧЕСКИМИ ДЕЛАМИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, С ДЕЛАМИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ».

ТОВАРИЩ Н. С. ХРУЩЕВ В ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕЩАНИЯ ПЕРЕДОВИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЦЕЛИННОГО КРАЯ.

СОВХОЗ «КАПРАКТЬ». РЕДОВАЯ БРИГАДА МЕХАНИЗАТОРОВ ПРОВЕРЯЕТ ГОТОВНОСТЬ ТЕХНИКИ К СЕВУ.

ВОТ ОНО, ОТБОРНОЕ СОРТОВОЕ ЗЕРНО 22 000 ГЕКТАРОВ ПШЕНИЦЫ ЗАСЕЕТ В ЭТОМ ГОДУ СОВХОЗ «КАПРАКТЬ». БРИГАДА АНАТОЛИЯ ТОМАСА, ЛУЧШАЯ В СОВХОЗЕ «КАПРАКТЬ», УЖЕ НАЧАЛА РЕМОНТИРОВАТЬ САМОХОДНЫЕ КОВШАВНИ НА СНИМЛЕ. ТРАКТОРИСТ ПАВЕЛ ПОЛИЩУК ЗАКАНЧИВАЕТ СВОРКУ ДВИГАТЕЛЯ.

Под крылом самолета — ровная, до горизонта разметывающаяся степь. Кинешь мимолетный взгляд на землю — и покажется она пустынной: снег, снег, снег... Но всмотрись внимательно в эту белую, медленно плывущую под крылом равнину и найдешь на ней и поселки, и пашнишки полевых станков, и нитки дорог. Да еще непременно заметишь следы тракторов — бороздки на полях.

Такой представляется она с высоты — безбрежная земля молодого Целинного края, раскинувшегося от южноуральских степей до кузундасинских степей. Сейчас, когда лихнуло эти страны, все чаще и чаще голубеет небо над целиной, все выше и выше поднимается солнышко и кое-где на при-

горках уже обнажилась и пооблела земля... Идет весна — восьмая весна целины и первая весна молодого края.

Целина! Подвиг советского народа, большая победа в его борьбе за обилие хлеба для Родины! Миллиарды пудов зерна дали стране распаханные целинные земли. Нынешняя весна — особая для целинников.

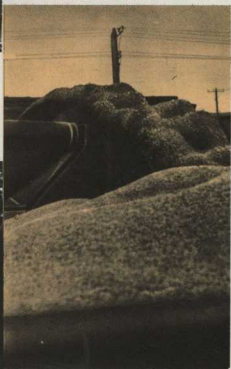
В середине марта в столичном граде молодого края обсерли на совещание передовиков сельского хозяйства. В работе совещания принял участие Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

Никита Сергеевич поставил перед целинниками боевую задачу: «Все мы должны осознать, что теперь наступил новый, второй этап освоения целинных земель. На первом этапе мы в короткий срок смогли распахать десятки миллионов гектаров целины и резко увеличили производство зерна в стране. Сейчас, на втором этапе, предстоит повысить культуру земледелия, из года в год наращивать урожайность и резко увеличить производство продуктов животноводства. Работая целины стали крупным центром производства товарного хлеба, их надо превратить также в крупный центр производства мяса, молока, шерсти и других продуктов животноводства».

Труженики Целинного края обязались увеличить производство зерна о том, чтобы ежегодно продвигать государство 750 миллионов пудов хлеба; освоить вторую, мясную целину, производить мяса по 75 центнеров на сто гектаров пашни и по 16 центнеров на сто гектаров других угодий; создать общественному животноводству прочную кормовую базу — прежде всего за счет получения высоких урожаев кукурузы, сахарной свеклы, кормовых бобов...

В совхозах Целинного края живет и трудится огромный отряд молодежи. Немало в этом отряде тех, кто помнит первую бороздку и первый целинный урожай. Немало и тех, для которых нынешняя весна будет началом целинной жизни. Сейчас и ветераны и самые молодые новоселы — весь многонаселенный отряд целинников — начинают битву за новый урожай, приступают к штурму второй целины. Они полны решимости работать в полную силу, чтобы встретить XXII съезд Коммунистической партии новыми трудовыми успехами.

В этом номере мы рассказываем об одном из представителей большого отряда молодых целинников — Викторе Полянском, бывшем комсомольском вожаке, ставшем директором совхоза, — об одном из тех, кого Никита Сергеевич Хрущев назвал людьми большого дела.

Г. Дубинского.

МИР СЛАВИТ НАШУ ПОБЕДУ В К О С М О С Е

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

8 АПРЕЛЬ
1961

Год издания тридцать восьмой

Все новые и новые советские люди по неизведанным маршрутам летают в космос, будут изучать его, раскрывать и дальше тайны природы и ставить их на службу человеку, его благосостоянию, на службу миру.

Н. С. ХРУЩЕВ

В лазурном апрельском небе летит огромный самолет. На его борту значится: «ИЛ-18». В столице прибывает первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

В эти минуты люди еще и еще раз оглядывались на прошедшие дни. Разве забудешь такое! Радио гремело на весь мир: «12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту».

Затаив дыхание, мы слушали вести из межзвездных далей.

Когда Колумб XX века, самый легендарный человек планеты, сообщил: «Прошу доложить партии и правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею», — слезы радости навернулись на глаза, и мы не стеснялись их.

Гордостью, радостью, счастьем охвачены миллионы советских людей. Мы гордимся триумфальным полетом советского человека коммуниста Юрия Гагарина вокруг Земли. Мы радуемся, что советские ученые, рабочие, инженеры дали ему в

руки штурвал космического корабля. Мы ликуем, ибо в блистательном прыжке человека и звездам сконцентрировались и творческий гений советского народа, и дерзновенность нашего замысла, и наша неукротимая энергия.

Вместе со всей страной ликует наша красноезвездная столица. На улицах, бульварах, проспектах и площадях Москвы большой, светлый, радостный праздник.

И вот «ИЛ-18» рулит по посадочной полосе Внуковского аэродрома. Юрий Гагарин вступает на самолетный трап, идет по

ковровой дорожке вдоль верениц ликующих людей, вдоль строя стотрубного оркестра, медь которого разносит по стране, по всему миру:

Все выше,
и выше...

Чеканным шагом подходит к трибуне майор Юрий Алексеевич Гагарин. Четки слова его рапорта: «Готов выполнить любое задание нашей партии и правительства».

Никита Сергеевич Хрущев, сняв шляпу, здоровается с Юрием. Потом обнимает его, трижды, по русскому обычаю,

Фото Дн. Бальтерманца.

целует, долго не выпускает из объятий. Советского космонавта сердечно приветствуют, поздравляют с блистательной победой руководители партии и правительства.

Забыв о чопорности и условностях официальных торжеств, иностранные дипломаты стремятся как можно скорее позжать Юрию руку, заверить его, что и их страны восторгаются беспримерным достижением Советского Союза.

...Угитая розами, открытая легковая машина медленно идет по Ленинскому проспекту. Вокруг нее эскорт мотоциклистов. А над проспектом — вертолеты. С трехсотметровой высоты летят листовки с портретом Гагарина. Листовки медленно опускаются на землю.

Ленинский проспект в эти минуты — живой многомиллионный коридор людей. Но семидесятиметровая ширина проспекта, оказывается, не может вместить всей массы народа. И люди заполняют оконные проемы, взбираются на чугунные ограды парков, на крыши домов...

Люди торжествуют победу! Победа в космосе — это подвиг нашей партии, это подвиг всей страны, подвиг товарищей

Фото В. Сакка.

Юрия — тех, кто создал космический корабль-спутник «Восток» и обеспечил первый в мире успешный полет советского человека в космос. «В этой победе, — говорил Никита Сергеевич Хрущев, — новое торжество ленинских идей, подтверждение правильности марксистско-ленинского учения. В этой победе человеческого гения воплотились и нашли свое наглядное выражение славные результаты всего того, чего достигли народы Советского Союза в условиях, которые создала Октябрьская социалистическая революция. Этот подвиг знаменует новый взлет нашей страны в ее поступательном движении вперед, к коммунизму».

Фото Г. Дубинского.

Восторженное «ура» несется над Москвой. Вот оно уже гремит над Каменным мостом, достигает Красной площади. Оно несется все дальше и дальше от собора Василия Блаженного, где три века назад безвестный держатель, вооруженный «слюдными крылами», хотел взлететь, словно птица. Это на трибуну Маяковского вместе с руководителями партии и правительства, вместе с родителями и женой поднимается Юрий Гагарин.

Посмотри на этих самых счастливых родителей на земле — Анну Тимофеевну и Алексея Ивановича Гагариных. Вглядись в каждую морщинку их простых и бесконечно милых лиц. Это лица людей труда. Посмотри на Валю, жену Юрия, счастливую, улыбающуюся. Ей было хорошо известно, какие испытания выпадут на долю мужа, дерзавшего покорить космос. Она всем сердцем поддерживала его, напугивала на подвиг. И хочется от души сказать ей: «Молодец, Валя! Слава тебе, русская женщина, женщина большой души и великой воли».

Посмотри на немного смущенного Юрия Гагарина. Вот он в ответ на приветствия поднял руку. А через минуту он на мигновение задумался о чем-то своем. Кто знает, о чем? Может, ему вдруг вспомнились слова, написанные им за несколько минут до старта «Востока».

«Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могу чий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах

сейчас, когда очень близко подошел час испытания, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?»

Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделал все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Счастлива ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлива. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — обществу, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле».

Два часа ликует Красная пло-

цад. Но все новые и новые колонны демонстрантов движутся сюда со всех концов столицы.

Наступает вечер. В Большом Кремлевском дворце в это время Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР устроили прием в честь выдающегося подвига ученых, инженеров, техников и рабочих, обеспечивших успешное осуществление первого в мире полета человека в космическое пространство. Звездное небо покрыло своей шалью улицы и площади города. Скрылось в ночной темноте алое сияние позвонгов, транспарантов, знамен и флагов, опоясавших Москву. И вдруг словно яркими солнечными лучами озарились наша красная звезда столица.

Над Москвой прогремел двадцатизалпный артиллерийский салют в честь величайшего подвига страны, строящей коммунизм.

Фото И. Тункина.

СИЯЕТ СОЛНЦЕ ИЛЬЧИА

Еще до дни страды суровой,
в потемках подневольных лет,
«Горит восток зарею новой!» —
Восхлинула русский наш поэт.
«Горит восток...»
Но работа бремя
Давало свет, гасило свет.
И таймо подернутое время
Сводило зори все на нет.

Жиза России
в царстве мгластом
на протяжении веков.
И были нужны коммунисты
и Партия большевиков,
был нужен подвиг поколений
в стране подневольных бед,
и Революция, и Ленин,
чтоб утвердить
наш флаг нетленный
и разума высочий свет.

И вот свершилось,
явью стало,
о чем задолго до Кремля
тысячелетия мечта
неуторима Земля.
И вот, планету озаря,
рождая пламенный восторг,
дорогу в космос протаргет
Союз наш — добрых дел исток.
И вот, дорогие одобрив,
весь мир сегодня повторяет
слова «Гагарин» и «Восток».

Уже до звезда подать рукою.
Все горючей лют сердца
Сауцилось на Земле такое,
что удивляемо нет конца.
Анкету наше поколение
по деревням и городам.
Само земное титанство,
смирився, уступает нам.

Крылатому даются крылья —
космические корабли.
И тот,
кто стал творцом обаяя,
хозяйном своей Земли,
кто города
вовел в пустыню,
кто вырастил садм в красе —
становится по праву ныне
хозяйном вселенной всей.

Земля моя!
Страна Советов!
Талантов всенародный век!
Мне радости,
что подвиг этот
свершила советский человек,
свершила
строитель коммунизма,
герой из самых дорогих,
свершила,
как многие и Отчизне,
свершила, как тысячи других,
которые фанатов била,
любил Ленина страну,
и новостройки возводил,
и поднимали целину...

Дорогу в космос протаргет
Союз наш — добрых дел исток,
весь мир сегодня повторяет
слова «Гагарин» и «Восток».
Весь мир
сегодня видит зримо,
как строят счастье
наш народ,
как радостно-неудержимо
ведет нас Партия вперед,
как, прославляя век суровый,
под знаменем из кумача
«горит восток зарею новой»,
сияет солнце Ильича.

ВРЕМЯ СЧАСТЬЯ

Многотонные корабли
Отрываются от Земли.
Корабли врываются в космос,
Побеждая тяжести в космосе,
Это стало не вдруг, не разом —
Путь веянок был и не тих —
Человеческий гордый разум
Над Землей поднимает их —
Тот, что опунью брел веками,
Резгорас скаяль, светляг,
Чтоб сегодня
Вспыхнуло пламя
Устремленных явмы кораблей...
И они громятют юрство —
Не похожи на предков парусных,
На демежых,
На деревняных,
Открывавших новые страны.
Но колумбам не знать покоя —
Время счастья,
Время трахе!

...Над Россией все лучезарней,
Все ясно расцветы встают,
И простые русские парни
Деловито на старт ладут.
Вот они,
Чудас открыватели,
Век поставил их вперед,
Их — наследников,
Их — мечтателей,
Их, чей разум все победит.
Им поддается вихрь огневой,
И, над утробней синевой,
Над лопями,
Над городами,
Над стареющими словами,
Над привычными всем вещами
Поднимается корабль,
Словно факелом, освещая
Горизонты моей Земли.

Олег ЗВЕБЕВ

ВНОВЬ НА ЗЕМЛЕ...

По минутам нам помнится график
Влета этого.
Память ясна.
Но из памятных всех фотографий
Вдурт всплывает —
Человек и весна.
Сколько весен России встречал!
Ныне словно бы дал видней.
Сердцем вдурт опунуть ты начало
Поворотных извезданных дней.
Плавився в солнечном утробней
блеске,
Небо сияло в ручьи потекло.
И под ветром упругим и резким
Талмах вода задорожало степю.
Алды ладут. Мокнут ваданы луга.
Самыньши в крошече ады и воды —
То отальные шорохи луга,
То отальные жарыи руды...
Кто же дал тебе дерзкую силу
На такое —

любимая, мать...
Ты глядишь и глядишь на Россию —
Надо ла сплу тебе занимать!
Что на сердце
Порыв дн, мечта дн,
Иль надежда на новый разбег?..
Возвратись из немислимои дали,
Заглядывая на мир человек.

ПИОНЕР ВСЕЛЕННОЙ

Музыка Александра ДОЛУХАНИЯ.

Слова Вадима МАЛКОВА.

Человек покорил космос,
Облетел весь земной шар,
Подвиг свой с высоты грозной
Он Отчизне отдал в дар.

Припев:

Пионером вселенной
Стал пилот дерзновенный,
Коммунист и бесстрашный герой,
Космонавтом-пилотом
И его звездолетом
Восхищен весь народ трудовой.

Будто все родились снова —
Век чудес начал свой счет.
Человек наш сдержал слово —
Первым он свершил полет!

Припев.

Завтра мы полетим к звездам,
Покорим всех миров даль,
Наш корабль для людей создан,
И рукам послушна сталь.

Припев:

Пионером вселенной
Стал пилот дерзновенный,
Коммунист и бесстрашный герой,
Космонавтом-пилотом
И его звездолетом
Восхищен весь народ трудовой.

Энергично, стремительно

Человек покорил космос, облетел весь земной шар.

Прпев

Подвиг свой с высоты грозной он отчизне отдал в дар. Пи. о. не. ром все -

лен. наш стал пи.лот дерз.о.вен.ный, ком.му.ни.ст и бес.страш.ный ге.

рой. Кос.мо.нав.то.м — пи.ло.то.м и е.го зве.зд.о.

ле.то.м вос.хи.щен весь на.р.од тру.до.вой.

— В СЮ-ТО Я ВСЕЛЕННУЮ
ПРОЕХАЛ...

Виталий КАСЬЯНОВ

СЫН ПЛАНЕТЫ

Да!
Мы знали, что будет такое.
Знали; а ведь этот не за горами.
Никогда еще сердце людское
Так вот ярко не загоралось,
Чтоб космические потемки
Осветлялись на многие дали,
Чтобы пламень сердца

потомки
Через много веков увидали.
Он взлетел, человек наш

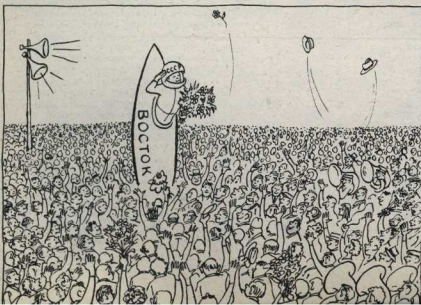
бесстрашный,
Наш земляк — космонавт Гагарин,
Перед ним променяли страны
С океанами и горами.
И в глухой неведомости

зелень
Прорастала сквозь расстоянья...
Он сказал нам:

— Я видел Землю
Всю в густом голубом сиянье.
Так вот могут сиять глаза,
Если солнце любви вошло в них,
Так вот может сиять роса
На пахучих листьях вивневых.
Да,
Земля ожидала его,
Словно мать ожидала его.

Утратила глаза
и ответы
Все ждала с высоты тревожной...
Значит, можно быть сыном планеты!
Эй,

ты слышнши,
вселенная,
Можно!

— Я В РОССИЮ ВОЗВРА-
ТИЛСЯ —
СЕРДЦУ СЛЫШИТСЯ ПРИ-
ВЕТ.

Рисунки Е. Гурова.

Космос!

В тот день, когда радио по всему миру разнесло весть о первом полете человека в космос, корреспондент журнала «Смена» побывал в мастерской народного художника СССР Евгения Викторовича Вучетича.

— Наш соотечественник летишь-космонавт Юрий Гагарин первым в мире проложил людям земли путь в космос,— взволнованно сказал Евгений Викторович.— Свершилось великое, небывалое! Ничего подобного за всю историю не видело, не испытало человечество. И, конечно, не случайно первым космонавтом стал гражданин нашего великого Союза Советских Социалистических Республик.

Мы предвидели эту победу. Мы горды за нашу страну, за наш самый передовой социалистический строй, обеспечивший гигантское развитие человеческой личности, поднимавший отечественную науку и технику на невиданную высоту — на космическую высоту!

Когда советский корабль-спутник с человеком на борту совершил свой героический рейс по орбите вокруг Земли, на душе было такое чувство, словно сам находился там, в кабине корабля-спутника, рядом с Юрием Гагариным! Вот с такой же скоростью, как наш космический корабль, движется родная страна к заветной цели — коммунизму. Шаги у нас семимильные. Разве дряхлеющему миру капитализма угнаться за нами! Ни за что! Помните, как писал Гоголь, обращая свой взор в будущее своей Родины: «Не так ли и ты, Русь, что Бойкая необгонимая тройка несешься!», и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Это предвидение великого писателя и патриота земли русской стало явью после того, как Великий Октябрь поднял над страной алые знамя революции, принес народу счастье. И вот теперь мы, советские люди, являемся открывателями новой эры — эры покорения космоса человечеством. Сердце до того взволновано, что словами не перескажешь... Посмотрите лучше на эту скульптуру. В ней — мои чувства, мои мысли о человечестве, устремленном к звездам...

Скульптура, которая так и называется «К звездам», стоит, отсвечивая серебром, в самом центре мастерской. Изображены два человека — мужчина и женщина. Красивые молодые люди. Гордые, одухотворенные лица. Порывистые движения. Человек уже оторвался от Земли. Он находится в состоянии невесомости. Внизу, под ним, — земной шар. Вдох женщины устремлен вверх. Она протягивает космонавту руки, смотрит на него с любовью и молитвой. Она хочет быть рядом с ним в этом удивительном космическом полете.

— Над скульптурой,— рассказывает Евгений Викторович,— я начал работать несколько лет назад, еще до запуска в космос первого советского спутника. Мне хотелось отразить в ней заветную мечту человека о полетах на другие планеты. Эту мечту, как видите, я решаю в лирическом плане: показываю красоту человека, красоту его помыслов и дел. Это люди будущего, когда станет свободным, общедоступным космический полет, когда человек шагнет на другие планеты.

Я верю, это время не за горами. Космический полет Юрия Гагарина, первый в мире окинувшего своим взором всю нашу землю, открывает грандиозные перспективы покорения космоса человеком. Своей скульптурой я посвящаю героям таких людей, как Юрий Гагарин, посвящаю величье нашей Родины, первой открывшей путь в неведомые космические дали, пути к звездам.

Дружия

сумку, где была моя вещь: «Даваяй я!» — а потом эту сумку у Витьки забрала Коляка и сказала: «Даваяй я!» И так мы бежали и бежали к речке Быстринке, а там быстро разделась и пахнула на песок.

Через два часа я стою перед бабшкой. У меня уже заметен подорож. Вос. Бабшка моя любима вечно. Но, в общем-то, она была добрая, и мне даже казалось, что ворчит нарочно. Она сказала мне:

— Вядь тебе всегда приходака рыньше.

— Да, приходака, — ответила я, — но теперь прийдет позже. Теперь новое расписание — летнее.

Бабшка начала ворчать. Но я не слушала ее. Потому что думала о Витьке и Коляке о вшитих падах. О лете, которое мы проведем втроем. Летом мы так закружили, что бабшка говорила: «На вас даже страшно смотреть». Мои волосы оставались такими же черными, а у Витьки совсем выгорали, словно маленький кусочек солдата отваливался ему на голову. А Коляку стригли всегда почти внало, так что мы за бывали, какого он цвета. Коляка была очень толстой и неуловимой. И все-таки он выпрыскал у нас, что будет капитаном на нашей шхуне.

Шхуны не было никакой. И море было где-то очень далеко, чем самым краю света, как говорила наш капитан. Ну, а если закрыть глаза и лежать так долго-долго, то можно увидеть море. Правда, когда мы открывали глаза, то видели, как по той стороне Быстрики разучивали плавать. Тогда мы снова, как по команде, да, закрывали глаза и снова видели море и нашу шхуну, которую подбрасывало на крутых волнах.

Нашу шхуну каждый представлял по-своему. Мне казалось, что это маленькая лодка, вот такая, какая стоит на Быстринке, пригнанный щелью. И Коляка тоже считал, что шхуна — это лодка, только набитая парусами. У Витьки было совершенно другое представление о шхуне. Год тому назад, вместе с матерью он был в Ростове и там на пристани видел большие пароходы. Тогда он и привез с собой очень много впечатлений, и еще он привез команду: «Готовься к опшартровке!» и «Поджарь кору!» Особенно нам нравились поседая. Мы так часто и так громко выкрикивали эту команду, что мой бабшка как-то приаюлила руку к голове, не бегая ли я. Особенно смешно это получалось у Коляки: когда он кричал «Поджарь кору», то у него так надувались щеки, что очень хотелось ткнуть в них пальцем. Витька так и делал. Мы с Витькой громко смеялись, а Коляка сердилась и ворчала:

— Ребята, это не по правилам. Ведь капитан я, а вы простые матросы.

Мы были простыми матросами. И все время должны были стоять на вахте. Вахта была с левой и с правой стороны шхуны. На той и на другой стороне должны было сидеть по матросу. Коляка слабо представляла свое место, но в отличие от нас в руках у него должна быть подзорная труба.

Так мы лежали на песке возле речки и мечтали о море, которое было на самом краю света.

А как-то я спросила рано утром и слышу, как кто-то говорит моей бабшке:

— Можно, я к вам поброшу своего парня? Еду на четыре дня на совещание передовиков сельского хозяйства.

И я сразу узнала, что это тетя Дуся, Витькина мама.

Я была очень рада, что к нам в дом побросил Витьку. Побоялась бы, чтобы совещание не было удачным. — Есан б еще моя бабшка и Колякина мама тоже были передовиками, тогда бы некуда было нас подбрасывать и мы делали бы все, что хотели.

...Давно уже приезжала тетя Дуся. И мы стали замечать, что в Витькин дом очень часто стал заходить почтальон. А иногда почтальон встречал нас на улице и отдавал нам письма. И мы сами относили их тете Дусе домой или на ферму, и тогда тетя Дуся была особенно ласкова с нами.

А как-то раз Витька пришел на Быстринку очень змурый. И вот что он нам рассказал. Сегодня тетя Дуся, уходя на работу, говорит ему:

— Очен твой умер, когда тебе было два года, а ты не помнишь его. Он был хороший, очень хороший... Но вот, Витюша, — тетя Дуся обняла Витьку и поцеловала, — скоро придет к нам дядя Ваня из Саратова, и он заменит тебе отца. Дядю Ваню я знала еще очень давно, мы из одной деревни, а потом судьба разделила нас. А теперь он будет жить в нашем доме и будет воспитывать тебя, а то ты совсем от рук отбился.

Мы долго молчали, да и что мы могли сказать Витьке в утешение! Кто такой дядя Ваня? И как он будет обращаться с Витькой?

Первый задал вопрос Коляка:

— А твой мама до совещания так же часто поучала писывать?

— Нет, нам писала бабшка и тетя Клава, но они писали редко.

— Значит, эти письма стали приходить после совещания? — не отступала Коляка.

— Да, писала.

— Да, писала, дядя Ваня тоже переводил сельского хозяйства, — тихо заключила наш капитан.

— Дерь было очень жаркий. И мы только хотели свернуть на ту улицу, которая вела к речке, как Витька, который бежал позади всех, крикнул:

— Стойте!

Я думала, что он крикнул потому, что Коляка просто очен пышет своими толстыми ногами, и не обернулся. Но Виктор крикнул снова:

— Стойте!

Мы остановились и сначала увидели осенне-желтый Витькин затылок, потом мы поняли: Витька смотрит на свой дом, а там открылась канитка и какой-то мужчина вносил чемодан.

Мы остолбенели. Мы поняли, это был дядя Ваня. Сначала мы не знали, что делать, а потом решили: нельзя оставлять товарища в беде. Мы вошли в дом и остановились. И так трое стояли и смотрели на дядю Ваню. Дядя Ваня был очень сморщенный, и мы, как по команде, зарядили головы. Тетя Дуся чуть выткнула Витьку из вшей шерсти и сказала:

— Дядя Ваня подоровался с нами за руку, а Виктора даже стукнул по плечу.

— Ну, как время повороте, делом занимайтесь, лананы! — поинтересовался дядя Ваня.

Мы исторговались. Какое дело? Какое дело, когда канитку? Да и разве носишь каждого в вше дело?

И вдруг дядя Ваня спросил:

— А где Майка? — И крикнул: — Дочка!

— Я здесь!

На пороге появилась смуглая девочка. В руках она держала книги, перевязанные тонкой бечевой. Она смотрела на нас равнодушными карими глазами, точно уже давно была знакома с нами и точно мы ей вналоди до смерти.

Розвязав книги, она стала расстывать их на Витькиной этажерке. Вообще вела она себя так, словно все время жила в этом доме и уезжала всего лишь на несколько дней в соседнюю деревню.

Она поправилась нам, это новоселенная Витькина соседка, худощавая и длинная. Она была выше нас, и мне сразу показалось, что она смотрит на всех свысока. Майка поставила

Рисунки В. Высоцкого.

Мы очень дружны. И все учившаяся в одном классе. Только я жила и училась в городе, а Витька и Коляка — в совхозе «Светлые дали». Мы не виделись зимой, осенью и весной. Но зато когда наступало лето...

Меня всегда мама отвозила в совхоз. Там жила моя бабшка. Но в этом году я перешла в пятый класс, а моя мама сказала, что я поеду сама. Я так обрадовалась, что тут же написала Витьке и Коляке, что еду сам и чтобы они встречали меня. Я даже не хотела, чтобы мама провожала меня. Но мама сказала строго:

— Дай тебе только волю!

Она взяла меня за руку, как маленького, и мы поехали на вокзал. А там мы стояли у вагона, и мама говорила, говорюла проводнице все одно и то же:

— Девушка, так вы посмотрите за моим, очень прошу вас, девушка.

И столько раз эта мама сказала, что проводница стала даже смеяться, а я чуть не заплакала.

Но зато, когда поезд подошел к станции, на которой мне надо было выходить, и я увидела Витьку и Коляку, у меня стало совсем точно такое же настроение, как тогда, когда мама сказала, что я еду сама. Витька и Коляка прыгали на платформе. А потом они так зорили, увидев меня, что люди стали оборачиваться и поджимать плечами. Люди ведь не знали, что мы не виделись осенью, зиму и весну, поэтому они и поджимали плечами.

А потом мы побегали все втроем, мы ничего не говорили, только Витька вырвал у меня

на пол стопку книжек и всей пятерней поправила коротко подстриженные волосы.

— Цапал — скрежь зубы прощадя Виктор и глубоко, тревожно вздохнула.

И она сразу поняла, что мы с такими не дружим. И держалась от нас подальше.

Она вообще делала вид, что не замечала нас, что мы для нее все равно, что репейник и дороги. Мы отвечали ей тем же. Труднее всего, конечно, было Виктору. Ему-то она мазовала глаза гораздо больше, чем мне и Коляке. И Виктор каждый день рассказывал о ее выходах.

Как-то она отказалась мять посуду. Сначала она делала это беспрекословно, и вдруг — на тебе! Сказала громко, когда все сидело за столом, что посуду будет мять по очереди с Виктором. А то что это: все она да она! Виктор ей даже не ответил. Что он, рыцарь! Он будет мять посуду!

На другой день Цапал ушла из дому раньше его и на груди грязной посуды оставила записку: «Сегодня твою очередь». А Витка взяла тот жалкий клочок бумаги и дописала: «Плевать! Я хотела на очередь!» — и тоже положила бумажку на грязные тарелки.

И посуду вечером мыла тетя Дуся, приторивая:

— Ну и лети пошла, никакой чистотки, ну просто никакой чистотки!

И теперь мы гораздо меньше говорили о море и о плукте, так как все время говорили о Цапале. А Цапал уже совсем превратился в настоящую нахапку... Мы, как всегда, дежили возле Быстрины на нашем законном месте. И вдруг увидели, что совсем неподалеку от нас сидит Цапал и читает. Ее голая пятка была обращена к нам и знак живого невиниманья. И здесь Коляка что-то дернуло: возьми и кинь в нее песком! Цапал обернулся не сразу, точно не зная, что так именно и должно случиться. Но вот громко захохотавшись книга, и дажные ноги Цапал стали приближаться к нам. Мы, зарыв головы, смотрели на нее. Она, как всегда, окинула нас безразличным взглядом. Обветренные ее губы раскрылись и произнесли:

— Эх вы, моряки! Как там у вас — «Пождать коруму!» Бы бы лучше животи поджал, а то протрете, дежа вот так на песке.

Мы опешили. Да откуда она знает все! Ведь мы при ней ни гу-гу. А Цапал продолжала, обращаясь к Коляке:

— Таково тоаство, как ты, в морфлат не возмрут, не думай! — Она на секунду замолчала и добавила: — Разве только коком!

В ответ Коляка лишь сделала жалкую гримасу. Как можно было так унижить человека!

— И вообще у вас все на словах, — неожиданно разозлилась Цапал. — Вот я бы...

Но она махнула рукой и больше не про-

изнесла ни слова и пошла, показывая нам загорелую спину.

Виктор всконал, сжав кулаки:

— Эх, слышать бы ей!

— Ну и чего ж ты? — с жаром проговорил я.

— А-а, — уставо протянул Виктор. — И так из-за этого у нас дома пуляганя поучаст... Ну давай, давай, тоаства тоаства морковок! — очень тихо спросил Коля.

— Бывает, — неопределенно сказал Виктор и совсем несклади добавил: — Ты еще больше постолеешь: кунешь милого.

— У —

— Наао в аптеке достать лекарство против аппетита! — решительно заявила я.

— А какое оно в таблетках или в порошке! — живо откликнулся Коля.

Виктор и Коля, как всегда, были бы выдержали Виктор! — А лишь бы ты меньше алопа!

Вот что я недавно услышала, когда ждала Виктора у моего дома и сидела в сенях, а Виктор во дворе кормил цыплат.

— Я же с «Бивакса» поими ты, Ваня! — говорила тетя Дуся. — Майка — девчонка, а ни в чем помочь не хочет!

— Ты, Дуся, не сердяй на нее. Одна она у меня росла, сама знаешь, давно без матери. Заводила на своем дворе была. А тут отворачивается от нее ребята... Вот она...

Но я уже не слушала. Я была возле Виктора.

— Ах, значит, заводила, а здесь отворачивается! — повторила Виктор и слышала сразу весь корм прямо на цыплат. — Да мы не отворачиваемся, мы просто не замечем, мы просто презираем! Пождем к канигу!

Мы зашли за капитаном, а потом отправились на речку. Там под камнем нас ждало письмо. Крупины бумаги на тетрадном листе в клеточку было написано: «У меня сегодня будет корабль».

Мы смеялись. Мы так смеялись, что думали, лопнет от смеха. Мы бросили Цапале послание в речку и тут же забыли о нем.

...Все это случилось в ту самую минуту, когда мы хотели увидеть море и по поводу нашего капитана закрыли глаза. И каждый увидел море, как мог, и каждый увидел скуху, какой себе представлял, а когда открыл глаза, то... перед нашими глазами была Цапал.

Она стояла на гладу, сбитом из трех досок. Она стояла к нам спиной и управляла огромной корвией палкой.

Цапал так и не повернувшись к нам. Мы видели, как ее «корабль» причаила к берегу. Цапал так-то умудрилась вывалять дель и приваляла свои доски к дереву, как будто мы могли на них поасть. Но все равно было страшно обидно. Обидно, что Цапал вмешалась в наши дела. Было обидно потому, что такой «корабль» мы могли сместить давным-давно. И так же мог проасть по Быстрине.

...Но это еще было не все. На другой же день Цапал преподнесла нам новый сюрприз. У нее появился велосипед. Недаром она притачила из Саргата два колеса. Здесь в РТС даже Ваня помог Цапале собрать его.

Велосипед был никчужный, весь из старых частей. К тому же Цапал не умела кататься. Мы громко фыркали, когда она, держась одной рукой за збор, усаживалась на свою архаичную машину, а потом впадала.

Через неделю мы увидели велосипедиста, мчавшегося нам навстречу.

Это была Цапал.

— Научилась, — словно кому-то угрожал, проговорил Виктор.

Но в тот день нам было не до Цапал. Коля привез из города новую книгу — «Морские приключения». И мы собирались идти ее читать на речку. Коля позвал обедать, и он ни за что не хотел нам оставить книгу, и мы очень обиделись за такое издевательство. А потом он пришел, грустный, с маленькой сумочкой в руках и с книгой под мышкой, и сказал, что он сейчас должен ехать догостить к дедушке в Девисовку. Это было совсем несклади. Не может же он оставить дедушку в своей палате! Коля усложивала себя тем, что он будет читать «Морские приключения». Если бы не эта книга, он бы ни за что не поехал.

Мы решали искупаться и долго барахтались в теплой воде, а затем проводили его до молодого пункта, откуда уходила подорога.

— Мы знаем, что Коляна дедушка — пчеловод и что меду у него есть пруду.

— Ты смотри, медом не обольдишься, — поговорила Виктор, — а то будешь, что наша кадушка под крышей.

— Я совсем не хочу кушать, — заявила Коля и сейчас же, словно испуганная, спросила другим тоном: — Совсем не кушать?

— Ни грамма, — отрезал Виктор.

Потом Коля долго жал на руки и обещал, что постарается приехать раньше, чем через две недели.

Нам стало скучно без капитана. Но мы все же снова побрели на реку и так и ахнули, когда увидели, как на пещке загорала забытая Колякина книжка. Мы долго вертели ее в руках и не знали, что с ней делать. Мы знали только, что Коляка без нее не жалеет на этом свете, и наконец решили, что завтра с утра отнесем ее в Денисовку. Подумаешь, десять километров ради товарища! Мы были готовы на все.

Но в ту же ночь пошел аивень, потом ослепившая Колякино положение. Дождь не перестал и утром. Я пошел к Виктору. Мы сидели и говорили друг другу, что дождь скоро пойдет, но может же он так вот лить и лить. Перед нами лежала толстая книга с морскими иллюстрациями, но мы даже не раскрыли ее. За обедом ели галушки, а Цыпля сидела напротив и смотрела на нас так же равнодушно, как на летающую муху. Мы опять заговорили о Колякинском несчастье, и Цыпля зевнула уныло в тарелку. И это зеворвало нас обонем.

— Нечего здесь зевать скажите! — заявила Виктор и вышла из-за стола.

Я сейчас же встал за Виктором. А Цыпля заговорила всматриваясь:

— Подумаешь, дождь испугался! Походите да отнесите!

— Увняя ты больше! Походи, доберись в такую погоду! — посоветовала Виктор.

— Э-эх, товарищи! — растянуто проговорила Цыпля. — Ну какие мы товарищи!

И вдруг, будто она была учительница, она с школьниками, строго спросила: — А помните, как Тарас Бульба говорил о товариществе?

— Тараса Бульбу мы еще не проходили, — хмуро заметил Виктор.

— Эх вы! — сказал с горечью повторила Цыпля.

Она встала из-за стола, небрежно отодвинула тарелку. А мы отвернулись и все и стали смотреть в окно.

Через час пришла тетя Дуся и сразу накричала на нас.

— Что у вас творится на столе! Неужели так трудно убрать посуду!

Мы тихо стали убирать тарелки и тут только заметили, что «Морские приключения» исчезли.

— Может быть, мы положили книгу в другое место? — нерешительно сказала я.

— Да вот же, вот, она была вот здесь! — возбужденно говорил Виктор и вдруг, вытаращив глаза, таинственно добавил: — Это Цыпля...

Мы не сомневались, что Цыпля где-то спрятались и читает «Морские приключения». И нам было страшно обидно, что книгу читает Цыпля, тогда, наверное, Коля в Денисовке обменяется слезами.

— Хорошо, если она принесет, а то...

— Виктор замолчал. Страшно было подумать, что была sposobна Цыпля.

Цыпля не появилась до вечера. Я стала искать у Виктора. Мы уехали с ним в се-

них на одной койке. В утлу в медный таз громко стучали капли, и мы не могли уснуть. Было слышно, как пришла с работы дядя Ваня и, открывшая дверь в комнату, спросил:

— Что, Майка дома нет?

Дверь захлопнулась, и мы еле различали голоса. Потом голоса стали громче, и мы поняли, что говорят о Цыпле.

Наконец мы ясно услышали, как дядя Ваня сказал:

— Надо идти искать.

— Тогда мы слезли с койки и нерешительно отворили дверь. Первым начал рассказывать Виктор, как мы сидели за столом и говорили о Коле, совсем не трогая Цыплю, и как Цыпля вмешалась в наш разговор, а затем исчезла с «Морскими приключениями».

— Значит, Майка ушла в Денисовку, — медленно проговорила дядя Ваня.

— Походит овал! — буркнул Виктор.

— Нет, нет, что ты, в такую погоду! — испуганно проговорила тетя Дуся.

— Вы Майку не знаете, — сказала дядя Ваня тихо, но очень твердо, — не знаете!

И отвернулся, будто на нас было очень неприятно смотреть, что мы до сих пор как неспешно уезжали Цыплю.

— Ну, что ты, дуся! — вдруг крикнула тетя Дуся. — Идите спать!

Но мы не могли уснуть.

— Неужели Майка ушла в Денисовку? — сказала я. Я впервые назвала ее Майкой. — И почему она оставила книжку у нас?

— Она всегда так предостерегает нас.

— А в медный таз по-прежнему стучали капли, и казалось, они повторяли слова дяди Вани: «Не знаете, не знаете, не знаете». Может быть, мы действительно не знали Майку.

Майка пришла на другой день, когда сквозь тучи пробивалось дождежное солнце. Было часов двенадцать, и мы с Виктором уже бежали на реку. Обернувшись мы увидели Цыплю на швейной машинке. Она лежала кривком, смешило обхватив подушку, как будто боялась, что ее непременно отнимут. Она села. Ноги у нее были такие грязные, что сначала мы подумали, что Майка просто в резиновых сапожках.

— Смотрите не разбудите! — шепотом прикрикнула на нас тетя Дуся, проходя на крыльях.

Мы тоже вышли на крыльях и стали по двору ждать, когда проснется Майка. Ждать нам пришлось долго. Наконец мы увидели преднюю колесо велосипед, а потом застывшую Цыплю. Прошла она по двору с ужасным треском, так как, кроме машины, у нее в руках были кружки и носок, которые все время удерживал друг о друга. Поставив велосипед, она стала черпать воду из бочки и лить себе на ноги. Мы подошли к ней и спросили:

— Ты была в Денисовке?

— Да, — проговорила она, не оборачиваясь.

Мы зашли за дом и оттуда смотрели на нее и молча поговаривали, приспосабливая по влажной земле, ямы дольками своей работой. А потом поправила всей ладонью волосы, взглянула на солнце и засмеялась. Когда Цыпля пошла в дом, мы минутку смотрели на велосипед, и на нас, лежащий возле него, а затем, тисно стоворившись, подошла к нему, и Виктор молча стал накачивать камеру. Он весь стал красный от злости.

— Дай мне, — предложила я.

— Я сам, — сказал Виктор и, по-хозяйски поцупав шину, добавил: — Хорошо, будет.

С Виктором Полянским, директором совхоза «Кайраты», меня познакомили дядя Ваня и бригадир тракторной бригады Михаил Довжик. Встретились мы в Целноградке, на совещании передовиков сельского хозяйства. Не так-то легко было найти директора среди тысячи трехсот целинников, записанных в перепись Фойе, но Довжик уверенно пробрался в самый дальний угол зала, где развешены на новой стене выставки, специально подготовленной к совещанию. Там, у стены, и увидели мы Полянского, склонившегося над мешочками с пшеницей, и Довжик шутливо заметил:

— Невадима сила звечит молодого директора — вот она!

Вот она, эта сила, — сказал Полянский, с какой-то нежностью пересылая с ладони на ладонь золотистые зерна. — «Лютесценс» сейчас пятьдесят восемь. Отличный сорт! Я уж не говорю о «саратовской» двадцать девять. Этой бы достали! — вздохнул он, с явным сожалением ссылая зерна в мешочек.

Не трудно было понять директора. В Целинный край обычно поздно приходит весна, в основном здесь рано начинаются заморозки. Лето в основном короткое, а саратовская, о которой говорил Полянский, как раз и принадлежала к таким сортам.

— Как поживает Томас? — спросил Довжик и тут же, словно оправдываясь, добавил: — Никан не соберусь с вам в «Кайраты»...

— Бодр, как всегда. Готовится к бою. В этом году надеется собрать центнера по шестидесяти. Держись, Егорыч! Даем ему на откуп новую культуру — лен.

— Много!

— Для начала гектаров триста.

Довжик говорил не без насмешки на лице.

— Ну хорошо начало...

Позже я узнал, что Михаил Довжик и Анатолий Томас, ветеран-целинник, кайратинский бригадир комсомольско-молодежной тракторной бригады, старшие специалисты, выбрали у себя третью год, переняв друг у друга все лучшее. В этом году борьба между бригадами за первенство обещает быть особенно острой: обе азяли высокие обязательства.

В тот день наша беседа с Полянским была непродолжительной. Он был, как обычно, знакомство с делами совхоза — это знакомство с самим хозяйством, мы решили встретиться в «Кайраты».

Виктор Полянский пришел в совхоз «Кайраты» два года назад, весной пятьдесят девятого, — как раз в то прекрасное время, когда поля покрываются изумрудной зеленью всходов и по традиции в совхозе устраивают всеяльнй праздник «добрый посев».

Новый директор не был новичком на целине. По комсомольскому путевке он приехал в степной город Атбасар с одним из самых первых швейлов. В Атбасаре прибывшим новоселам показали список совхозов — их значилось шестьдесят восемь. Ярнине был первый, но в нем, как в пору, весной пятьдесят четвертого, все оно, в основном, были примерно одинаковыми, все только начинали жить, Полянский, даже не читая списка до конца, остановился на «Донском». Там ему предложили должность старшего механика, справедливо полагаю, что бывший авиационный техник как нельзя лучше справится со сложными обязанностями хозяина совхозных машин...

А через два года старшего механика «Донского» избрали вождем комсомольского района. Как раз в это время Василий Филиппович Мазирик, секретарь Атбасарского районного комитета партии, спросил Полянского, к тому времени уже имевшего солидный стаж работы в комсомоле, не согласен ли он пойти на партийную работу. Полянский поблагодарил за доверие, но ответом не торопился.

Откровенно говоря, Василий Филиппович, хочешь назад, в совхоз, — сказал он наконец и, взглянув на секретаря райкома, встретил его уть прищуренный, внимательный взгляд.

Кто-то из райкома Мазирика раздул пар, а потому, словно решая для себя важный вопрос, достал лист бумаги.

ПРОСТОР

ВИКТОР ПОЛЯНСКИЙ.

Фото автора.

— Значит, в совхоз. Ну, пиши заявление. В «Донском» тебе делать нечего. Пиши так: прошу направить в совхоз «Байракты»... Там нужен директор.

— Но там есть директор!

— Уходит. Решил послать себя нуле...

— Когда Виктор Полянский утвердил в новой должности и в Министерстве совхозов республики и в Москве, секретари райкома, напутствуя молодого директора, сказали:

— Только помни, Михалыч, совхоз — это тоже партийная работа!

— Добрые посылы дали добрый урожай. Загудела широкая степь, по бескрайнему морю пшеницы поплыли комбайны. Десятки автомашин, грузовых зерном, одна за другой уходила к железной дороге, на элеваторы. Эти горячие дни были для Виктора Полянского экзаменом. Он выдержал эти экзамены. Совхоз собрал по пятнадцати центнеров зерна с гектара, сдал государству почти полтора миллиона пудов пшеницы и получил свыше пяти миллионов рублей прибыли.

Таким был общий итог. Но в те горячие дни не все шло себе одинаково. На уборке, как и в бою, люди раскрывались до конца, и ясно становилось, кому по-настоящему дороги интересы общего дела, а кто эти интересы отодвигает куда-то в сторону.

В третьем отделении в самый разгар уборки люди остались без хлеба. Трактористы так и доложили директору:

— Два дня как говнем, Виктор Михалычов. На другом сучке сидим... А на вопрос Полянского, где управляющий, посылки не без иронии: — Надо думать, занят. У него же свое хозяйство... личное! Свиныя, куры, коровы...

Это был не первый случай, когда механизаторы из третьего отделения жаловались на управляющего Тарасенко. То люди оставались там без еды, то машины стояли без горючего, то бригады не знали, что делать. Полянский нашел управляющего в тот же день, но Тарасенко выглядел его с удивительным спокойствием.

— За всем не усмотришь... только и проговорил он, покаж лямчам... Годы не те — старик! Мне бы до ваших двадцать лет...

Что можно было ответить на это! Мысль Тарасенко была не новой и, главное, не оригинальной. На молодость нового директора кое-что намекал не раз, но Полянский не обращал внимания: важно было бы, что намекал. И сейчас он только усмехнулся и сказал:

— Риноавто в старике подается. А смотреть вы обязаны у себя в отделении за работой! Это был их последний разговор. Когда Тарасенко написал заявление, никто в совхозе не пожалел о его уходе.

Обо всем этом мне рассказывали в совхозе...

Полянский задержался в Целинограде, как оказалось позже, еще все же удалось достать для опытного участка два развода немного «лютеосцен-75». За два дня, пока не было директора, мы с секретарем комитета комсомола успели побывать в трех отделениях, заглянули на фермы, познакомились с машино-ремонтной мастерской.

Тогда, в середине марта, кайрактинцы жили одним: подготовкой к севу. Где бы и с чем бы не возникла разгоров, решать так или иначе заходила о всем, а весной для целинников — это прежде всего горячие дни посевной. На площади более 23 тысяч гектаров предстояло высеять 2 700 тонн пшеницы, 200 тонн ячменя, 150 тонн овса да еще кукурузу, лен, яровую пшеницу, союбы, трава. В этом году под кукурузу отвели 1 300 гектаров... на 500 гектарах больше, чем в минувшем. В отделениях заканчивался ремонт последних тракторов, на зерносаждах шла протравка семян. Докомплектовались тракторные бригады, кукурузоводческие звенья

проходили своеобразные семинары: учились разбивать кварталы. А в столовой ежедневно занимались шестидесять девушек. Они обучались кулинарному искусству, чтобы отправиться на станы вместе с механизаторами...

Вернувшись в совхоз, Полянский рассказал целинникам о совещании, о речи Никиты Сергеевича Хрущева. Он вынул из кармана листок бумаги и прочел слово за словом записанное им то место на выступлении товарища Хрущева, где говорилось об освоении второй целины и назывались цифры по производству мяса.

— Задача трудная... В нынешнем году мы собираемся сдать государству двести семьдесят тонн мяса... Нам надо сдавать в десять раз больше! Конечно, такую задачу не решешь за год или два.

А потом состоялся общий большой разговор. Я видел, как внимательно слушался директор в выступлении кайрактинцев. Выступления их были деловые: вспоминали обо всем, что надлежало доработать в оставшихся до сева дни, стараясь не упустить из поля зрения ни какие мелочи... Полянский делал пометки в блокноте, чаще всего в тех случаях, когда кто-нибудь бросал упреки в адрес директора, или агронома, или механика. Но вот что самое важное: большинство из тех, кто поднимался на трибуну, говорили так или иначе о главном — агротехнике как основе основ, о кукурузе, кормах... Высокая урожайность зерновых, мясная целина — наша задача номер один! — говорил Полянский, когда рано утром мы шли вместе с ним в правление... И хорошо, что люди у нас не только понимают это всем сердцем, но уже сегодня закупают ружья. Но мне кажется, есть еще одна целина — строительство.

Он остановился и показал в сторону небольших коттеджей, еще не законченных и никем не заселенных.

— Вот наши Черемушки... Он усмехнулся... Это все, что мы воздвигли за зиму... Мало, страшно мало! А для нас проблема жилья — это проблема кадров.

— Уезжают люди!

— Бывает, — признался Полянский. — Приезжают и уезжают. Представьте себе: приходит в совхоз человек, приходит как бы на разведку, пока без семьи. Работает сезон — от посевной до уборки. Может, остался бы он и навсегда, но где будет жить семья? У нас есть молодожены, которые до сих пор живут уростью: он — в мужском общежитии, она — в женском. Некоторое время мы шли молча. Дядя котер, было довольно прохладно, но дорогу так и не подморозило за ночь, на ней сверкали большие черные лужи.

— Можно подумать: мрачноватая картина, — продолжал Полянский. — Нет, несколько. Ведь семь лет назад здесь была совершенно голая степь, люди жили в палатках. Все, что

мы построили на целине, — только начало! Частное дело, я иногда еду в Атбасар, остановив свой взгляд во-он на том пригорке, смотрю на усадьбу и думаю: там поднимутся улицы нового городка, там поднимется школа-интернат, там мы построим Дворец культуры, больницу, новый детский сад... Ил знаете, что самое замечательное? Все это будет совсем скоро. Ну, городок мы за год не построим, но все остальное будет уже в нынешнем году. И новая школа, и двухэтажная больница с паровым отоплением, и детский сад... Будет! И земля будет. Это наша программа-минимум. Но мы тут надеемся размечтаться с партергом, что можно сделать в совхозе в ближайшие годы. Оказываемся, многое.

— Например?

— Например, плотину на нашей речушке! Ведь это и птица, и рыба, и даже лодочная станция... Здорово, а?

— Здорово.

— А разве нельзя построить в совхозе небольшой хозбы заводчик по переработке сельскохозяйственных продуктов? Сырья у нас хватит. А ведь этим можно решить одну из сложнейших наших проблем: проблему занятости рабочих в зимний период... Словом, было бы только желание! — Полянский неожиданно развел руками и улыбнулся: — Ну, а сейчас на носу сев. Как говорится, первоочередная задача на данном этапе.

Об этом и предстоял разговор на планерке в правлении, куда торопился директор.

Я покидал «Байракты» с удивительным чувством уверенности в людях, которых под силу превратить в жизнь смелых и дерзких планов.

В Целинограде, на совещании передовиков сельского хозяйства, обращаясь к целинникам, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Как известно, в степи в хорошую погоду гадать предостер полей до самого горизонта. Хотя у нас сейчас метет поземка, можно сказать, что в целинских степях хорошая погода, замечательное настроение, мы хорошо видите те горизонты, которые открываются перед вами на новом этапе освоения целины».

Мне не раз вспоминались эти слова, когда я жил в совхозе, знакомился с целинниками — людьми большого, важного дела. Да, здесь хорошая погода, зять и кружит метель, замечательное настроение, зять и змурится небо.

И люди, которые подняли первую целину и начинают поднимать вторую — целину изобилия мяса, молока, шерсти, — эти люди хорошо видят новые горизонты.

Н. ВАСИЛЬЕВ

КРАЙ ЦЕЛИННЫЙ — КРАЙ СПОРТИВНЫЙ

ВОТ ЧТО СДЕЛАЛИ МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ:

- * Созданы 72 спортивные секции:
 - 17 — лыжных,
 - 13 — по тяжелой атлетике,
 - 12 — хоккейных,
 - 11 — настольного тенниса,
 - 10 — боксерских,
 - 4 — стрелковых,
 - 3 — конькобежных,
 - 1 — по борьбе,
 - 1 — по волейболу.
- * В секциях занимаются 1 242 человека.
- * Проведено 8 спортивных вечеров.
- * Выпущено 4 стенных газеты.
- * Прочтано 15 лекций на спортивные темы.
- * В соревнованиях по различным видам спорта выступили 1 680 целинников.
- * Из числа целинников подготовлено 360 инструкторов физкультуры и 195 спортивных судей.
- * Создан молодежно-спортивный клуб, в котором занимаются свыше 150 целинников.

История эта незамысловата. Начать ее относится к концу прошлого года, когда наш институт — Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры — праздновал свое 40-летие. В те дни студенты решили помочь целинникам наладить спортивную работу. Однако легко сказать — «помочь!» А вот как оказывать настоящую, действенную помощь? Не отделиться общими советами, а сделать так, чтобы в физкультурных коллективах Целинного края спортивная жизнь, как говорится, заблуждалась.

...Быстро летели дни. Мы с моим другом Славой Дорожкиным срочно сдали экзамены, вернее, досрочно. Нам было поручено первыми отправиться на целину. Стать своего рода разведчиками: все разузнать, уточнить, чтобы прибывшая вслед за нами в Уэуэкольский район, Кустанайской области, группа студентов могла сразу же приступить к работе.

И вот мы в поселке Демьяновка. Обычный целинный поселок. Несколько десятков белых домиков, окруженных деревьями. Все занесено снегом. Сверху на шаг с дороги — и сразу провалишься буквально по пояс...

В этом поселке вместе с ведущим физкультурным отделом Кустанайского обкома комсомола Виктором Усольским мы подумали, так сказать, «что самое обследованное целинный физкультурный. Настроение было не из приятных. Ни в одном из девяти совхозов Уэуэкольского района не оказалось физкультурных коллективов. Нигде не нашлось даже простейшего спортивного инвентаря...

С чего же начинать? Как распустить лед равнодушия к доступу молодежи, так решительно утвердившись у некоторых совхозных руководителей?

— Надо прежде всего достать спортивный инвентарь, — высказал точку зрения свою Усольский.

— А где денег взять?

И тут же сами решили: — Да не может быть, чтобы нас не поддерживали в районе, если нужно, даже в области! На хорошее дело деньги найдутся.

И деньги нашлись. Ни много, ни мало — сто тысяч!

Мы срочно отправились в Кустанай. Закупили там инвентарь: коньки, лыжи, столярный инструмент, настольный теннис, шتاги, хоккейные клюшки, гантели, скакалки, шахматы... Словом, возвратились с целым хозяйством. А тут подошла и наша группа. Теперь все организовывать было в сборе. Одновременно другая группа, состоявшая из десяти человек (руководитель — Владимир Хаюров), отправилась в район Целинградской области. Студенты привозили с собой комплект коньков, ботс, клюшек и мячей, подаренных целинникам нашим институтом.

Тут уж работа развернулась на полный ход. Ребята размахались по совхозам и принимались за дело.

Что, казалось, может сделать один человек в большом совхозе? Не много. Согласен. А в союзе с сетевой юношей и девушкой можно добиться всего. Нужно только суметь подлить молодежи да большие, хорошие дела.

Первым делом в каждом совхозе мы оборудовали комнаты для занятий спортом. Повсюду залили катки. Конечно, делали это мы не один. Молодежи в совхозах много: по 200 — 500 человек. И к спорту ребята быстро привязались. Мы только показывали пример. Целинники сами взяли

за дело. Во всем нам помогали: заливали и электрифицировали катки, следили за порядком... Да и в секциях занимались с желанием и вдохновением. Без хвальбыцы могу сказать, что они с большой охотой отдавали свой досуг занятиям самыми различными видами спорта.

Как бы то ни было, а через месяц во всех совхозах Уэуэкольского района появились свои спортивные: лыжные, хоккейные, конькобежные, шتاгисты, боксеры, стрелки...

Что еще? В райцентре мы создали молодежно-спортивный клуб. Выпросили избу, в которой прежде располагался Дом пионеров. Оборудовали ее всем

необходимым. По-моему, мы сделали очень верно, что объединили в клуб все инвентарь, находившийся в ведении автобана, банка, отделения милиции и десятка других местных районных организаций. Мы стали выдавать этот инвентарь молодежи напрокат, разумеется, бесплатно. С одним условием: чтобы он был возвращен вовремя и в хорошем состоянии.

И, конечно, мы постарались своевременно побеспокоиться о помощниках. Провели методические занятия с наиболее способными спортсменами-целинниками. Они стали инструкторами в секциях, судьями на соревнованиях. А сейчас, когда мы вернулись в столицу, эти инструкторы и судьи уже самостоятельно ведут работу. И мы уверены, что они справляются со своими обязанностями. Ведь все они горячо полюбили спорт и теперь до глубины души преданы ему!

Вспомнил еще бы монтера колхоза Валерия Ягуды. Он одним из первых отличился на наш призыв стать инструктором физкультуры. Валерий постоянно помогал нам: заливал катки, проводил занятия, исправлял инвентарь. Сам он неплохой лыжник. Когда мы уезжали, Валерий прощал нас неуверенно, может ли он поступить в наш институт.

Из конспекта Б. И. Институт и обязательно вернутся на целину. Специалисты здесь очень нужны!

Добавлю еще, что в райцентре нам обещали обязательно посетить Валерия участки. Значит, в первую очередь скоро начнут воспитывать своих специалистов высшей квалификации!

Расскажу мой подход к вопросу. Сознаюсь, что в первые дни на целине кое-что и нам отчасти недоброжелательно: мол, приехали люди от работы отлепек. Потом и эти люди стали страстными сторонниками спорта!

Завершили наше пребывание на целине большим спортивным праздником. Лыжи, коньки, хоккей, настольный теннис. Но всем этим видам было впервые разгранено первенство района. Целинники оказались неплохими спортсменами. Во всяком случае, борьба была очень упорной и настоящею спортивной.

...Теперь мы в Москве. Снова настало время учебы. Но мы с большой теплотой вспоминаем о «лях, проведенных на целине. Мы подружились с жезлоработниками и заводскими рабочими с целинниками. Мы знаем им свой дружеский спортивный привет и желаем успехов в их плодотворном труде и не меньших достижений на спортивном поприще.

Игорь ЦЕХАНОВСКИЙ, студент Московского института физической культуры, руководитель группы студентов, работавшей в Уэуэкольском районе.

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ — РАЗДОЛЬЕ ДЛЯ ЛЫЖНИКОВ. СПОРТСМЕНЫ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ЗДЕСЬ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ НА ЛУЧШИХ ЛЫЖНЫХ БАЗАХ СТРАНЫ.

Фото автора.

листая пожелтевшие от времени страницы фронтовых записных книжек...

Май 1942 года. Западный фронт. В ходе боевых действий одной из наших армий потребовалось взорвать в тылу врага железнодорожный мост. Авиация была занята на другом участке фронта, и командование решило провести эту операцию с помощью воздушного десанта. Мне было поручено подобрать командира группы.

На рассвете ко мне в землянку вошел человек в маскировочном комбинезоне.

Старший сержант Сухобоков, помощник командира взвода саперной роты со двенадцатого полка!

Пока он докладывал о себе, недалеко от землянки разорвался вражеский снаряд. Широкой, как саперная лопата, ладьюю старший сержант смел с головы «исписанного» стога землекоп, точно оставшегося после одних крошки. Я взглянул в мутные глаза сержанта — он улыбнулся. Приветливо, крепко обхватил, широкий в плечах, с плотным и загорелым, как обожженный кирпич, лицом, с чуть выдернутым носом, он вначале ничем не отличался от других командиров. Выгоревший рубец, спускавшийся со лба через висок на правую щеку, слегка уродовала его добро, живое лицо.

На второй день, как только ступились сумерки, старший сержант Владимир Леонидович Сухобоков и ефрейтор радист Леонид Константинович Лабутин забрались в кабину «ПО-5», а тридцатью минутами позже они уже захлывали свои парашюты в глухом лесу, в тылу врага.

Спусти несколько дней Сухобоков и Лабутин, сядя на березу речушки, ждали рассвета. Если бы не автомат в лежащее возле них, и не историчность, с которой они прислушивались к малейшему шороху, можно было бы подумать, что эти парни пришли сюда купаться. Первым заговорил Сухобоков:

Значит, по-прежнему, надо вызывать десант?

— Странный вопрос! — отозвался Лабутин, приглаживая свои мокрые вышедшие волосы и нехорошо поглядывая на товарища.

— Нет, ты не вилил, ты мне определенно скажи: что думаешь? — настаивал Сухобоков.

— Я, Володя, конечно, понимаю, что мужество, находчивость, инициатива, решительность являются теми элементами, которые...

— Да брось! Слыхал я такие речути. А мы в тылу врага, — обрывал Сухобоков.

— Тогда, товарищ старший сержант, зачем вы нарушаете приказ командования? Нам же поручено только подобрать место для десанта. Чего же больше?

— А то, что мы сами, без десанта, взорьем мост.

Сухобоков принудился ближе к Лабутину, друскии обнял его.

— Видел ты, как собаки подраивали немецкие танки?

— Да, видел. Еще в октябре сорок первого под Малоярославцем, — ответил Лабутин. — Но не думаю, Володя, — тут же привалил он, — что я уподоблюсь собаке.

— А я бы попылся, если бы другого способа не нашел.

— Какой способ? — перебил Лабутин.

— Мы шло небольшой сважком, нагрузим взрывчаткой и пустим, как собаку, под мост. Дед Прохора попросил, определено поможет. Он старый рыбак, речку эту знает.

— Да, видел. Еще в октябре сорок первого под Малоярославцем, — ответил Лабутин. — Но не думаю, Володя, — тут же привалил он, — что я уподоблюсь собаке.

— А я бы попылся, если бы другого способа не нашел.

— Какой способ? — перебил Лабутин.

— Мы шло небольшой сважком, нагрузим взрывчаткой и пустим, как собаку, под мост. Дед Прохора попросил, определено поможет. Он старый рыбак, речку эту знает.

— Да, видел. Еще в октябре сорок первого под Малоярославцем, — ответил Лабутин. — Но не думаю, Володя, — тут же привалил он, — что я уподоблюсь собаке.

— А я бы попылся, если бы другого способа не нашел.

— Какой способ? — перебил Лабутин.

— Мы шло небольшой сважком, нагрузим взрывчаткой и пустим, как собаку, под мост. Дед Прохора попросил, определено поможет. Он старый рыбак, речку эту знает.

— Да, видел. Еще в октябре сорок первого под Малоярославцем, — ответил Лабутин. — Но не думаю, Володя, — тут же привалил он, — что я уподоблюсь собаке.

— А я бы попылся, если бы другого способа не нашел.

— Какой способ? — перебил Лабутин.

— Мы шло небольшой сважком, нагрузим взрывчаткой и пустим, как собаку, под мост. Дед Прохора попросил, определено поможет. Он старый рыбак, речку эту знает.

— Да, видел. Еще в октябре сорок первого под Малоярославцем, — ответил Лабутин. — Но не думаю, Володя, — тут же привалил он, — что я уподоблюсь собаке.

— А я бы попылся, если бы другого способа не нашел.

— Какой способ? — перебил Лабутин.

— Мы шло небольшой сважком, нагрузим взрывчаткой и пустим, как собаку, под мост. Дед Прохора попросил, определено поможет. Он старый рыбак, речку эту знает.

— Да, видел. Еще в октябре сорок первого под Малоярославцем, — ответил Лабутин. — Но не думаю, Володя, — тут же привалил он, — что я уподоблюсь собаке.

— А я бы попылся, если бы другого способа не нашел.

П. ВИНИЦКИЙ,
полковник запаса

ПОДВИГ ТРЕХ

Обхода селения и держась поближе к лесу, Сухобоков и Лабутин с западом солнца благополучно добрались до пески колхоза имени Ильича.

Пасечник не удивился: к нему на одиночку пасеку заходили и окружающие, и бежавшие из плена, и разведчики.

Знаю о цели прихода старшего сержанта и ефрейтора, старик молча и долго, гораздо дольше обычного, набивал свою прокуренную трубку. По аэсму было видно: крепко задумался Прокор Игнатьевич.

— Я на своем горбу землю да шпалы таскал, когда мост этот ставили, а ты: «Давай, дед Прокор, подмоги в акkurat зничтожить», — заговорил старик, когда в трубку остался лишь пепел.

Поимамте, Прокор Игнатьевич, что приказ нашего командования. Не будь этого моста, наши войска терпели бы меньший урон. Вы понимаете, нам до аэзру нужно...

— Не пару латписек слестли проспишь... Приходи-ка ты завтра ко мне в сумерках.

Сухобоков ничего не оставалось, как распрощаться с дедом.

Ночевали в молодых зарослях густого ельника и проснулись рано от гула самолетов.

Планы на лето у каждого были самые разнообразные. Но неожиданно до всех охватила Сашина мама.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

— Мама Саша Фоминной — художник. Однажды она узнала, что в помещении МОССА установлены интересные и необычные работы художника П. М. Рибова.

Вана Николаев. Нужно спастись писанцы! Ведь каждый год ученые-археологи выезжают с экспедицией на места древнейших погребений неолитического человека.

И малейшая находка — будь то дощечка, утварь или украшения — представляет собой огромную ценность.

Здесь же заборот — чудное удешевление на протяжении веков изображения должны погубить. А почему бы им, художникам, членам научного студенческого общества, не попытаться сохранить для потомков эти рисунки?

За дело энергично взялся старший преподаватель университета художник Владимир Константинович Замков, руководителем будущей экспедиции. Потребовалось огромное упорство, твердая вера в силы студентов, немалый талант организатора, чтобы тщательно разработать план экспедиции, продумать и предусмотреть каждую мелочь.

Несколько раз ездили ребята в институт археологии, были в институте Рибова, пополнили слушатели интересные рассказы об экспедициях первенства и мужество ним о древних писанцах. Они узнали, что ученые давно ищут, как сохранить сокровища Каменных островов, как до-

нести до будущих поколений творчество людей ледникового эпохи.

Профессор А. П. Окладников, открывший для науки эти писанцы, однажды попробовал даже вытисать скалу. Работа была необычайно трудной: на остров не удалось переправить мощную технику, а глины и толпы были повсюду.

Ученые решили сфотографировать настоящие рисунки. Студентам показали всевозможные снимки, на которых запечатлены краски сохлате. Конечно, снимки нужны, но все же понимаем, что даже самая хорошая фотография не может передать мельчайшие детали: цвет и фактуру скалы, не позволяет получать изображения в натуральную величину. Кроме того, ведь не подается сумерки! Если контуры несыемы, нечеткие — а таких большинство — то фотограф вынужден прибегнуть к искусственным осветителям или ретуши. Это, конечно, сильно искажает изображение.

Нет, для такого дела нуж-

ны были именно художники, которые смогли бы с максимальной точностью срисовать эти писанцы, сделать копии, художники, которые не боялись бы кропотливой работы!

Что же, ни Саша, ни ее товарищи по училищу не боялись «трудностей». В этому времени их уже стало восемь: престоющий полковой «заболел» латписурский Игорь Березовский, Аллик Иваницкий, Володя Хомиков и Виктор Титов.

За несколько дней до отъезда пришла Лена Вукина.

— Где же ты раньше была? — возмутились все. — Теперь уже поздно. Составлены списки, заказаны билеты.

Лена ходила за каменьями, слыла тем, упорщицала, возмущалась, доказывала. А потом решилась:

— Ну и не надо. Поеду на свои деньги.

Там же стало девять.

У Каменного острова парокход не устанавливался, поэтому девять человек остались в десяти километрах от него, на маленьком островке, на восьми навазении, «Элотарник». Говорят, что когда-то это было затопленное место для ловли рыбы. Отсюда и «Элотарник».

Как зачарованные, они не

Рисунки А. Шульца

уже спустил ноги в воду, как вдруг увидев плывущих к плоту два лодки.

Прокор Игнатьевич снова схватил шест и принес подталкивать плот. В это время, вынырнув, Сухобокос, энергично загребая, поплыл к плоту. Мелькнула мысль: «Немцы могут повернуть плот к берегу». Другой плот, он набрался на бревна и, схватив автомат, ударил длинной очередью по лодкам. В ответ тотчас же зашипели пули. Лодки приближались.

— Уходи! Уходи на берег! — кричал старик, с ожесточением подталкивая плот.

И снова старший сержант дал очередь по лодке. Сползший на корме немец вскрикнул и повалился в воду. Сухобокос снова вскинул автомат. Но нажать на спуск не успел. Полуосуду по правой руке, и автомат упал в воду. Старший сержант нырнул было вслед за своим оружием, но, не достигнув дна, всплыл на поверхность. И вдруг чуть ли не над ухом раздалось: — Халыт! Хеиде хох!

Жадно заглотнув воздух, Сухобокос нырнул и под водой поплыл к берегу. Но вскоре почувствовал, что задыхается, и снова выплыл на поверхность.

Потеряв надежду схватить пловца живым, немцы стали стрелять. Сухобокос вымывался из сил, но мысль о необходимости отвечать

на себя внимание немцев не покидала его. Пригнувшись утопаящим, исподлоу закрывал:

— Сдаюсь, пав, не стреляй! Немцы направили к нему лодку. Оставалось несколько метров, и в этот момент с левого берега кто-то ударил по лодке длинной автоматной очередью. Не успев немец, правивший лодкой, бросить весло и схватиться за свой автомат, как вторая очередь с берега срала его насмерть.

«Лабутин! Други!» — мелькнуло в сознании Сухобокоса.

Второй немец повернул лодку к берегу. Теперь он стрелял по прибрежным кустам. Между тем гитлеровцы, что были во второй лодке, уже подплыли к плоту. Один из немцев прыгнул на бревна. Прокор Игнатьевич выхватил из-за пояса топор и со всей силой обрушил его на голову гитлеровца. Не дав ни одного звука, тот упал к ногам старшего павсенки. Оставшийся в лодке другой немец успел выстрелить в Прокора Игнатьевича. Надяя, песенник заметил, как один из вычл. что дальнейшая зацепился за балки моста, и крикнул:

— За нашу победу! Тут же раздался оглушительный взрыв. ...Выбравшись наконец на берег, Сухобокос принялся тихонько окладить Лабутину.

Он знал, что Ленка близко и ждет его. И вдруг услышал слабые стоны, доносившиеся откуда-то из кустов. Ефрейтор был ранен. Владимир сделал ему перевязку.

— А 4-го думал, ты трус, лустозов. — с чувством стыда и досады на себя шептал Сухобокос.

— Я не трус... Я не верил... — едва внятно ответил Лабутин.

— Молчи, Лена, молчи, — шепотом отзывался Сухобокос и, позабыв о боли в раненой руке, об опасности, поднял товарища и понес его к лесу.

Когда на вторые сутки Сухобокос, напоенный домином товарища до павсени, тот уже был мертв. Он похоронил Лабутину тут же, в лесу.

Вот и все, что я нашел в своих фронтовых записках о подвиге трех...

Возвращаясь после предвзвешенной беседы с Сухобокосым на штаб полка, я понапа под артиллерийский обстрел и, раненный, был доставлен в военно-полевое госпиталь.

Как-то под вечер, огромная костюма, я первый встретил письмонома. И какое же было мое удивление, когда на одном из писем-треугольников я прочитал: «Старшему сержанту Сухобокосу Владимиру Леонидовичу...!»

В одной из палат я разыскал санавра, и он подробно рассказал мне о подвиге старого павсенки Прокора Игнатьевича Глазунова и комсомольца Леонида Константиновича Лабутина.

Мне пришлось немало потрудиться, пока я, что называется, не выудил из Сухобокоса то, что рассказывал вам.

тан и осталась нетронутой. А вот прилепленная она довольно сплюснута.

Игоря возился целый день. Работа оказалась труднее, чем предполагалось. Рисунки находились на высоте четырех метров от земли, сидеть приходилось на качалочке с сиденьем из спилованного бревна. Бумагу надо было выложить на изображение и потом делать притирку примерно так же, как следов бы сделать вырисовывать ее контуры.

Но это хорошо на гладком столе, а на отвесной стене с выступающими углами, с многокисленными трещинами, то и дело уходящими в руку по ложному пути, все оказалось не так просто. Карандаш рвал лист, линии получались слабыми, еле заметными. Пришлось расчл. уголь, оставшийся от мастера, амальгаму черной порош. порош. палец и им тереть бумагу.

Думали, что у Игоря получится здорово. Но когда взглянули, вода ответ. гав. за в сторону. Нет, конечно, эти невнятные странной формы имели некое общее с теми, которые были на сидле.

— Ну, а у вас-то как? — уныло поинтересовался Игорь.

Оказалось, у остальных получилось еще хуже. — Не отчаивайтесь, — попробуй усложнить, простейшие работы Владимир Константинович. — Белое новое, трудное. Не все же сразу! Дни, конечно, понимаешь, что мне все сразу, но тем не менее от неудач у всех отпустились руки.

Володя Хоинков решительно взял мольберт и двинулся в сторону леса: — Поиду писать этюд... Сидеть двинулся оставшие. Несколько дней они рисовали все, что попадалось на глаза. Все, кроме этих тоскливых серых скал.

А потом так случилось, что этюды и мольберты были отложены в сторону. Сначала к скалам поворачивали их цветной охрой, потом другой, третий...

— Ну что ж, попробуем снова! Робиним, неуверенными шагами сходили со скалы на бумагу лос и олене. Ребята уже научились тонировать листы — подгонять их под цвет скалы, а потом, когда кисти были готовы, корректировали рисунки по натуре, поправляли их цветной охрой, чтобы ни как не точнее приблизить и

оригиналу. Без конца фотографировали: при разном освещении, днем и даже ночью, со вспышкой, добываясь, чтобы рисунки рельефов получались наиболее отчетливо.

И вот наконец настал последний день. Молча, как полагается перед дорогой, они сидели около разглагольщавшего костра. Уже был съеден последний улик на острове, все вещи упакованы, палатки сложены, и только Владимир Константинович все еще дермал наготове киноаппарат да Виктор Титов делал последние записи у себя в дневнике.

В свете колеблющегося пламени снова, как и в первый день, огибли древние мостовые. И очень не хотелось уезжать отсюда, расставаться с полюбившейся работой. И было жалко, что скоро все эти наскальные рисунки исчезнут навсегда. Но раздало одно: в чемаданах лежали десятки точнейших копий отрисованного, сантиметрового фриз, копии, которые сохраняют для потомков искусство древних людей.

Выставку работ учащихся Ангарской экспедиции, организованную в Финском художественно-промышленном училище, посетили многие ученые. Десять

с результатами поездки мог познаться каменный мезолит, попросил передать им часть экспозиции. Правосходные копии, сделанные руками будущих художников, отнесут в историческое музей новыи раздел — Сибирские писанины.

Е. МУШКИНА

«Молодежь. Должна использовать все возможности не только для того, чтобы улучшить свое материальное положение, но и для расширения культурных, классовых связей и связи с строительством простых, радостных и эстетических отношений между людьми».

Молодежь не должна дать увлечь себя тем поэтам и писателям, которые считают, что достаточно высказаться пожелание: «Да будет мир и изобилие» — и можно сидеть дома. Молодежь должна бороться за этот золотой век, находить новые пути, которые его приблизят — вот о чем, по моему мнению, должны говорить на своем Форуме молодые земляки».

САХИБ СИНИГ СОКХЕЙ (Индия),
лауреат Международного конкурса
за укрепление мира между народами.

Молодежные организации 76 стран уже два десятилетия участвовали в работе Всемирного форума молодежи, который состоялся в Москве с 25 июля по 3 августа. Перед юношами и девушками всего мира стоит сейчас много проблем. И в каждой стране они разные. Но есть и такие, которые сейчас озабочены все молодые люди на земле. Они не могут оставаться безучастными к судьбам мира, вопросам мирного сосуществования, национальной независимости народов. Об этом форум предоставляет трибуну для выражения самых различных точек зрения по актуальным проблемам жизни молодежи: здесь, на форуме, представителям различных государств смогут лучше узнать и понять друг друга.

В этом направлении и ведет свою работу Постоянный секретариат Форума. Для нас чрезвычайно важно, чтобы в рамках форума осуществлялись программы и планы, которые позволят молодежи расширить круг обдумываемых тем. Здесь можно будет поговорить и поспорить о том, что не было включено в программу работы конспекта.

Словом, самая широкая, самая свободная дискуссия. Подготовка к этой интересной встрече молодежи мира идет полным ходом.

ЛАНДСКНЕХТЫ интернационали

Кв вербовали в пустынях Европы и Америки. Обещали золотые горы и богатый контракт. В графе «Примечания» они писали: большевик, индеец, индеец, индеец. «Профессия» следовало бы читать: «Смертноточный». ИК. ОТОБРАЖАЮТ

«Молодежь. Должна использовать все возможности не только для того, чтобы улучшить свое материальное положение, но и для расширения культурных, классовых связей и связи с строительством простых, радостных и эстетических отношений между людьми».

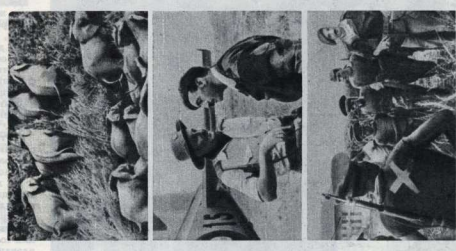
САХИБ СИНИГ СОКХЕЙ (Индия),
лауреат Международного конкурса
за укрепление мира между народами.

Молодежь должна бороться за этот золотой век, находить новые пути, которые его приблизят — вот о чем, по моему мнению, должны говорить на своем Форуме молодые земляки».

В этом направлении и ведет свою работу Постоянный секретариат Форума. Для нас чрезвычайно важно, чтобы в рамках форума осуществлялись программы и планы, которые позволят молодежи расширить круг обдумываемых тем. Здесь можно будет поговорить и поспорить о том, что не было включено в программу работы конспекта.

Словом, самая широкая, самая свободная дискуссия. Подготовка к этой интересной встрече молодежи мира идет полным ходом.

Мы впервые увидели здесь на своем собрании это блестящее выступление молодой женщины — молодой женщины, которая пришла сюда с тем торжественным выражением лица, подобострастная поза, так многого боится, принадевается и ручные манжеты, что не эти дамы? Кто же эти дамы? Кто это такой, как мифический Херкулес, сын претрента на испанский престол. Дама, по-моему, донна Кармен Бранно, жена диктатора, которая любила добиваться Франко. Хорошо проинструктированы фотографы, которые делают снимки с близкого расстояния. Но многого таегага и журналисты знают, что его строй прочнее, чем нарин. Физкульт — это не жаров. Испанскому народу не нравится и диктатура и монархия. Об этом знает каждый человек, который знает историю Испании. Но поживает вся кошку дорожку свободы и демократии.

МОНАРХИЯ НА КОЛЕНЯХ

Мы впервые увидели здесь на своем собрании это блестящее выступление молодой женщины — молодой женщины, которая пришла сюда с тем торжественным выражением лица, подобострастная поза, так многого боится, принадевается и ручные манжеты, что не эти дамы? Кто же эти дамы? Кто это такой, как мифический Херкулес, сын претрента на испанский престол. Дама, по-моему, донна Кармен Бранно, жена диктатора, которая любила добиваться Франко. Хорошо проинструктированы фотографы, которые делают снимки с близкого расстояния. Но многого таегага и журналисты знают, что его строй прочнее, чем нарин. Физкульт — это не жаров. Испанскому народу не нравится и диктатура и монархия. Об этом знает каждый человек, который знает историю Испании. Но поживает вся кошку дорожку свободы и демократии.

Мы впервые увидели здесь на своем собрании это блестящее выступление молодой женщины — молодой женщины, которая пришла сюда с тем торжественным выражением лица, подобострастная поза, так многого боится, принадевается и ручные манжеты, что не эти дамы? Кто же эти дамы? Кто это такой, как мифический Херкулес, сын претрента на испанский престол. Дама, по-моему, донна Кармен Бранно, жена диктатора, которая любила добиваться Франко. Хорошо проинструктированы фотографы, которые делают снимки с близкого расстояния. Но многого таегага и журналисты знают, что его строй прочнее, чем нарин. Физкульт — это не жаров. Испанскому народу не нравится и диктатура и монархия. Об этом знает каждый человек, который знает историю Испании. Но поживает вся кошку дорожку свободы и демократии.

«ПЛАМЕНИ БУРЖУАЗНОГО ХУЛОПЕННИКА ИЗ ТАВЕТЫ»
Они-принтеры.

ГЛАВНИИ. СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА БОЛШИН.

ЛЮСЯ ЧУКОВА ПОДПРЕДКОМСОМОЛА

Фото О. Неелова.

Ф. РОДИОНОВ

Когда Люся Чукова, девятнадцатилетняя комсомолка с «Трехгорки», собралась во Францию по приглашению общества «Международная дружба молодежи», подруги с завистью говорили ей:

— Счастливая ты, Люська! Париж увидишь, в Лувре побываешь, по знаменитым парижским бульварам походишь...

Да, Люся действительно впереди ждало много интересного. Ей предстояло увидеть Париж, Лион, Гренобль, Альпы, Ниццу... И не думала тогда Люся — простая советская девушка, каких тысячи тысяч трудятся на наших фабриках и заводах, — что во Францию ее ждали не только картины великих художников и знаменитые памятники архитектуры...

...Это было в Ницце, городе скучающих миллионеров, городе вечнозеленого лаванды и ослепительно-белых вилл.

На встрече с четырьмя комсомолками из Советской России пришли коммунисты, социалисты, радикалы, католики, бойскауты и представители еще каких-то партий, союзов и групп, названия которых Люся не запомнила. Один — умиляющийся, а рабочий сутулый — пришел, чтобы узнать побольше о нашей стране, другие — в безукоризненно сшитых костюмах — чтобы дать бой.

Из уст, который назвали слышавшие разныи голоса. Она чувствовала на себе неприязненные, скептические взгляды и старалась не смотреть туда. Она глядела прямо перед собой. В первом ряду сидел, нетерпеливо вертя курчавой, как руно, головой, молодой алжирец. У него были огромные, натруженные руки. И, глядя на них, Люся подумала: «Что же боится? Здесь есть и свои, рабочие парни. Они не дадут в обиду».

И все-таки она волновалась. Ведь сейчас она не просто девочка с «Трехгорки». Здесь, в этом переполненном, гулящем зале, она как бы представляла весь комсомол. И каждая черточка ее биографии, каждая сказанная ею фраза — это СССР.

Но вот раздается первый вопрос. Его задает один из тех, что в углу, — человек с тонкой ниткой усов над скептически изогнутыми губами.

— Мы слышали, что мадемуазель — ударник коммунистиче-

ского труда, так сказать, человек из коммуниста. Этой же он есть, но это наш коммунистический труд?

Переводчик перевел вопрос, но Люся гораздо больше сказала надменным интонацией, с которой были произнесены эти слова. Это было вызов, и Люся захотелось ответить на него так, чтобы пропала эта издевательская ухмылка на лице хлыща. О чем же рассказать?

Люся вот уже второй год работает по-коммунистически. Там, на «Трехгорке», все было так понятно! А здесь...

Вал напряженно ждал. Послышался какой-то, по-видимому, насмешливый, реплика. И тогда Люся заговорила о своих подругах Катэ Мироновой, Наде Верещагиной, Гале Артемьевой, Лиде Юзовской, вместе с которыми она перешла на самый отстающий участок в цехе. Даже опытные ткачихи старались уйти отсюда. «Разве ж это ставки? Это работа! На них ни плавна не дашь, ни денег не заработаешь», — говорили они. И вот за эти-то «гробы» и встала Люся со своими товарищами. Встава и растерялись: так заступили и развалины были машины! Нить рвалась на метре не раз и не два. Не работа, а слезы. Брак шел потоком. Десятка выбывались из сил, а подошел конек месяца, подсчитали — плав провалили, а значит, и зарплату получили меньше...

Позор на всю фабрику. В разведке старые ткачихи проходу не давали: «Что же вы, ударники, плав-то сорвали? Уж сидели бы на прежних местах — и плав бы был, и деньги шли. Не за свое дело ввязались, девчонки...» Люся с подругами отмалчивались и все колдовали над своими «гробами». Выялись и за помаштера: ведь это он отвечал за оборудование. На комсомольском собрании ему пришлось tutto. Десятка пообещали на всю фабрику его ослабить, если за дело не возьмется как следует. Довело до ларя. Теперь всю смету напротив не отходить от от станков.

Люся говорила и следила за лицом алжирца. Вот его податски припухшие губы расплылись в широкой улыбке. «Значит, понимает. Значит, правильно говорю». Голос Люся окреп.

— И теперь на том самом уча-

СОВСЕМ НЕДАВНО ЛЮСЯ ЧУКОВА ПЕРЕШЛА НА САМЫЙ ОТСТАЮЩИЙ УЧАСТОК В ЦЕХЕ И ТЕПЕРЬ НАМНОГО ПЕРЕВЫПОЛНЯЕТ СМЕННЫЕ ЗАДАНИЯ.

ЭТОТ ПЛАТОК С ГОЛУБЕМ МИРА ЛЮСЕ ПОДАРИЛИ ФРАНЦУЗСКИЕ ДРУЗЬЯ.

стке мы перевыполняем план. Вот это и есть коммунистический труд, когда стараешься не только для себя, чтобы заработать побольше, а чувствуешь, что ты в ответе за всю фабрику. И вообще за все, что делается вокруг, — закончила Люсе и облегченно вздохнула.

Но тут же с места поднялся коренастый парень в рабочей блузе. — Для хорошей жизни нужны работа и хлеб, ну и еще, скажем, мотоцикл. А здесь говорили, что, кроме работы, вы еще учились в школе. Что заставило вас это делать?

— Как что? Сегодня у нас

ПОСЛЕ СМЕНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО НАДО ЗАБЕЖАТЬ В КНИЖНЫЙ КИОСК. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОЯВИЛИСЬ НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО. ЭТОТ ИНТЕРЕС ЛЕГКО ОБЪЯСНИМ: ВСЕГО НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД ЛЮСЕ ВЕРНУЛАСЬ ИЗ ПЕЗЕДИН ПО ФРАНЦИИ.

старые станки, а завтра на фабрику придут автоматы...

— Значит, вы все-таки тоже боитесь потерять работу? — оживился парень.

— Нет, — улыбнулась Люсе, — дело совсем не в этом. Просто хочется очень много знать. Разве можно стать на месте? А работы у нас всем хватает...

И она заговорила о школе рабочей молодежи при комбинате, где проучилась четыре года. Ох, и нелегкими были эти годы! Утром — фабрика. После смены — наскоро перелистывашь учебник. А еще через час — школа. Но могла ли она бросить учебу? Нет, покажу, не могла. Однажды, когда пропущила подряд несколько занятий, на фабрику ту же пришла учительница, — не заболела ли Люсе? А домой завалилась целая куча затата одноклассников. Каждый предлагал свою помощь.

А с чем могло сравниться награждение от поэзии Маяковского или радость маленьких открытий на уроках физики, которые, кстати, помогали ей еще лучше понять станок!

...Человек с обростишими щекami резанул Люсю ужимки, как брита, вполочками глаз:

— Мадемуазель, все время говорила о будущем. Но что можно ждать от этого будущего, если человек по природе своей — грязная свинья? До его появления на земле царил мирный гармоничный хаос. С приходом человека наступил хаос. Мир надо освободить от человеческой скверны, и тогда земля снова станет великолепной и чистой.

— Неправда! — В воздух взметнулся маленький Люсин кулачок. — Вы не смеете так говорить! Человек прекрасен! Если ж он много и ошибается, падает, ему нужно помочь встать, выдрать из грязи!

Она говорила о красоте человека, о дружбе и вспоминала своих подруг, с которыми боролась за каждого оступившегося.

В памяти еще была свежа история двух фабричных девушек, попавших в какую-то темную компанию. Это были неплохие девочки. Но едва они выходили из ворот фабрики, их было не узнать. Словно не они еще полчаса назад, легким, скорым на руку, двигались вдоль машин. Теперь они шли домалас, с какими-то ужимками... Однако кто может предвзять претензии к чужой владыке или к тому, что девочка не нравятся размер собственнх глаз и она подрисовывает их до самых невероятных размеров?

Но вот однажды на комбинат пришел неоплаченный счет из ресторана. Это был счет всем фабричным дежачкам, не уследившим за подружками. Состоялось комсомольское собрание, где было сказано много гневных и горьких слов. И хотя обе подружки и общались комсомольцам порядку со старым, Люсе и ее товарищам из комитета ВЛКСМ пришлось еще долго биться, пока наконец вышли они ключик к каждой из них. Теперь одна стала зарплатной участницей самодетельности, другая поражает всю фабрику нарядами собственного производства.

Это только один случай. А сколько их было, сложных и простых, как сама человеческая жизнь!

— Люди прекрасны, но за них надо бороться, как и за все прекрасное на земле, — звенела в зале голос московской комсомолки, «человека из коммунизма».

И алжирец сжимал кулаки, когда смотрел в обростище лицо коммунистической. В этот вечер смуглый парень и подарил Люсе платок с летищем голубем...

Простая фабричная девушка Люсе Чукова. Может быть, вы встречали ее на московских улицах, но скорее всего не обращая внимания. Ведь она ничем особенным не выделяется среди тысяч своих сверстниц простых и в то же время необыкновенных рабочих девушек, рядом с которыми человек становится прекраснее, а мир радостнее, потому что они украшают его своим трудом, своей жизнью.

МНОГО СУВЕНИРОВ ПРИВЕЗЛА ОНА ИЗ ФРАНЦИИ. НО СЕРДЦУ ВСЕ ЕЩЕ МИЛЫЕ РУССКАЯ МАТРЕШКА — ПОДАРОК МУЖА. КАЖДЫЙ ДЕНЬ, ВОТ ТАК ЖЕ, КАК И СЕГОДНЯ, МУЖ ВСТРЕЧАЕТ ЛЮСЕ ПОСЛЕ РАБОТЫ!

ОН был одним из тех, кто отлично понимал, что такое «бонусное экономическое чудо». Он умудрился девять месяцев оставаться безработным. Но удавалось это лишь тогда, что он знал, что Юп знает в черные списки обладателей промышленныхников. В эти списки включали каждого, кого подозревали в причастности к крахам.

Как раз от этого Юп был довольно далек. Ему и в голову не приходило заниматься политической. Ему просто хотелось доказать, что некоторые фирмы обманывают покупателей, подсовывая им залежавшиеся товары.

Эта навязчивая идея привнесла Юп Хаасколу и его семье заботы, лужу, преследования. Тогда Юп пообещал своей Лорхен, что если не будет на собственный страх и риск выступать как сыщик, судья и судебный исполнитель в одном лице, — он будет искать работу.

И вот в понаедавший утром Юп собрался так, словно у него уже была работа. Он решил попытать счастья на мебельной фабрике, расположенной за городом, у автоброды. Юп извлек алюминиевую коробку с бутербродами, прячавшую термос с кофе и вместе с Лорхен сбегал вниз по лестнице.

На углу супруги растались: полицейский, рукопожатие — и Юп ушел.

Авторус Золнгер — Ремпейд ходил каждый час. Собственно говоря, там, где Юп собрался сойти, по расписанию не полагалось остановок, но это не было часе ешк, и поэтому кондукторы смотрели сквозь пальцы на непредусмотренную остановку.

Юп соскочил с подножков.

Машины — оплаченные, привоенные в кредит и взятые напрокат, грузовики и автобусы — несомневательной версией мчались на маленького путника, который вежливо пропустил их, шагая по самой обочине широкого шоссе. Когда вперые глыбы автомобилей прерывались американскими военными машинами цвета хаки, Юп ругался. Но он хотел жить, а потому соблюдал разумную почтительность: перед всеми транспортными средствами он предпочитал балансировать у самого козвета.

Мирная земля растаскилась вдоль этой бурной артерии. Спокойно пасся скот, яркожелтые тракторы с прохотом тянули по полям уборочные машины. По дороге, пере-

секавшей друг, медленно шла, тесно прижавшись друг к другу, парочка влюбленных. Внезапно по-вольный завывал сирена. Садясь вступая другим. Тут же третья включилась в этот неблагоприятный концерт. Юп удивился: восемь часов уже давно пробило. Да и заводские гудки звучат по-иному.

Он еще более удивился, когда заметил, что в автомобиле проезжали мимо, несмотря на жару, окна были затянута закрыты. Их стало все меньше и меньше. И, наконец, ни одной машины не осталось на беловет-серой дороге. Только ехитный запах бензина и неслабая пальмовая, что пять минут назад здесь господствовала тишина. Зато сирены звонили еще громче, и не со стороны фабрик, как поначалу амул Юп. Это были сирены полицейских автомашин, которые возникли на горизонте, как одинокие стражики в пустыне. Они приближались очень медленно. Перед ними двигались страшные сооружения — широкие низкие моторизованные повозки, цокаком общие стальные листами. Их передние части в виде ящиков висели в воздухе, только на первичную ладони не доставая бетонного покрытия дороги. Капавшие передвигались со скоростью улитки. Его сопровождала люди, одетые, как водамцы, спереди у них на ремнях были прикреплены ящики. Они давно бы заметили Юпа, если бы не шая, но низко наклонив над асфальтом, словно искали что-то. Жутко были сирены — теперь уже совсем близко.

С дороги, которая шла параллельно шоссе, с криками бежал в поле люди, словно их преследовали. А за фантастической процессией полицейских мешал виллоот до горизонта тянувшая опустевшая автострада.

Кроме странных созданий, Юп был единственным человеческим существом вокруг. Один из пустой и ровной автострады, он казался черной точкой вдали. Людям в закрытых одежде было достаточно только поднять глаза. Они не пробумили бы его. А ведь до идеи оставалось меньше километра. Юп не мог и не хотел поворачивать назад. Юп делал бы заметки Юпа, если бы не шая, но низко наклонив над асфальтом, словно искали что-то. Жутко были сирены — теперь уже совсем близко.

Вновь раздался протяжный вой сирены, на этот раз с противоположной стороны. Кто-то спросил: «Алло, уже выключи!» Ответа не последовало. Голова затрясла. Тогостное чувство ослепло охватило Юпа.

— Стой! — Голос глухо прозвучал из vzdolжного шаша. Человек, одетый в серо-зеленую форму, перебрал Юпу нуть. — Сделайте вперед меня! — кричала он. Они мчались по извилистой дорожке. Юп ощущал странную робость, мешавшую ему говорить.

Тропика привела к маленькой сторожке, состоявшей из одной комнаты и чердака. Дверь открылась. Человек в скарлатине задержал Юпа на пороге, затем прогнал его вперед и, наконец, толкнул в угол. В комнате в разных углах стояли пожилые человек и женщина с ребенком.

Мать, не переставая, всхлипывала. Пожилой человек, стараясь повернуться к Юпу спиной, словно боялся его.

Всхлипывание становилось все сильнее, превращаясь в рыдание. Юп удивился, что каждый стоял на отведенном ему месте и не двигался никуда. Женщина причитала: — Бедное мое дитя, неужто же тебе суждено стать заживот!

Мужчина обернулся к ней. Лицо его было бледно.

— Успокойтесь, может быть, не все так безнадежно!

Чувствовалось, что он сам не верит своим словам.

Ужас охватил Юпа. — Что не безнадежно? — закричал он. Человек громко и сердито ответил: — Замолчи!

Женщина снова всхлинула. Ребенок еще крепче прижался к ней. Пожилому, казалось, стало жаль, что он так грубо оборвал Юпа. Он откинулся и сухим тоном радиолоктора посылал вперед, вперед, колесо твердости: — На отрезке шоссе между началом и концом леса американская военная машина потеряла синхронную трубку с высокорадиоактивным веществом. Эта трубка преуведает собой

деталь зажигания ракеты «Овст-Джон». Мы подали в радиус излучения материала. Вот и все!

Человек безуспешно пытался подавить дрожь в голенях.

Юп позвонил. Проглатывал, что женщина была чертовски права! Скорее, спить изнутри, соуса за сосудом! В голове млекулую: «Будная Лорхен!»

Была вещь, из-за которой Юп не мог плакать. Сюда относился и его опыт жизни. Хуже было то, что он не мог молиться. Его сознание обрвалось нить, связывающая его с Богом. Ведь то, что произошло, было не карой господней, не случаем. Бониские господа готовили атомное устройство, которое могло как нос с собой светило, было не чертом, а не архангелами, у них были имена, они жили в обычных домах. Это были земные существа, которые садовыми призывом, как он на военном службе. И они садовыми призывом таких людей, которые зарабатывали на смерти других гораздо больше, чем на их жизни. И эти люди он ненавидел, поэтому он не мог молиться.

От всхлипываний, плача и крика женщина совсем обесседела. Она только и могла сказать. Ребенок заснул у нее на коленях. В комнате было тихо, слышалось только быстрое, прерывистое дыхание людей.

Вдруг дверь распахнулась. Все вскочили. Ребенок пронулся. В комнате слышалось серо-зеленое чудовище в сопровождении второго, несшего ящик. На внешней стороне ящика была шкала. В середине по полукружково цифра, означавшая стража.

Ужас сковался Юпа. Человек с ящиком сначала подошел к женщине с ребенком. Резиновым планштом, снабженным на конце пластинной в форме тарелки, он проверил по ее телу, потом по телу ребенка.

Все плачь быстро утихло. Человек в одном направлении. Они сходили на за жестким проверением, что в движении тарелки. Они смотрели только на шкалу. Губокий вздох облегчения раздался в комнате. Стража не качалась.

Вторым был пожилой мужчина. У него тоже не обнаружилось радиоактивности. У Юпа стража слегка заколебалась, совсем слегка. Юп болезненно сжался. Серо-зеленый поможил руку ему на плечо, снял шкалу и установил ее на место.

— Никакой опасности! Неможно излучение всегда есть. Стража — надежный свидетель. Ну, мы пойдем, поспим на обочине...

Человек выправился к выходу. У двери он еще раз обернулся.

— Вы абсолютно не заметы облучением. Можете идти домой.

Женщина беззвучно утала. Неожиданное избавление — это было уже слишком много для нервов. Ребенок закричал. Юп подхватил его на руки. Пожилой мужчина, на лице которого выразилось смущение, грубовато схватился около матери. Полицейский приник молчаливо патлок. Женщина пришла в себя, медленно встала. Полицейский автомобиль привез всех троих в город.

Юп вдруг забыл, совершенно забыл, для чего он вообще оказался на шоссе. Он сидел в маленьком откидном кафе за главным Александровским вокзалом, пла кока-кола, слушая шептание птиц. Жизнь была вновь подарена ему. Потом он шел по городу, красиво горюла, и эти моменты были в немезде красивы, но все же это был его город.

С вокзальной площадки дорога вел мимо главного почтамта вниз, к оживленному перекрестку.

Ак, неосмысливая, опять стояли тут.

До сих пор Юп всегда проходил мимо, стараясь не глядеть в их сторону. Он не ждал иметь никаких дел с политиком! Он знал, что их уже много раз прогонял отсюда. Их гонили и полиция и эти молодчики из ХАС, и фашисты. Юпу было жаль их, он чувствовал, что ведь то немного нравилось, возможно, так и четверо были тут.

Перед гигантским картонным изображением атомной бомбы стоял стол. За ним сидели пожилая женщина и молодой парень. Они противостояли прохожим автолучки и призывали подписаться под возмнением против атом-

В АНТАРКТИДУ И В КОСМОС

ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ В КАЮТ - КОМПАНИИ

Рим! Вечный город! Город шпанных зеркалачных витрин, неоновых реклам и великолепных фонтанов, куда принято бросать монету, ибо, по поверью, это судит новую встречу со столицей Италии. Город немалой автомобильной толчеи, железобетонных громад, многогранных мраморных руин и отшумевшего тысячелетия навад, торжественно молчаливого Коллея. Здесь некогда рагорались кровавые бои гладиаторов. Теперь же бродят восхищенные туристы, а по ночам крутятся бездомные кошки.

Рим — город величайшего в мире собора св. Петра, в котором поместились же современные стадион и где на полу отмечены размеры крупнейших храмов мира. В этом соборе по ритуалу выносятся в кресле на середину папу римского и в радиопередатчик звучит его бодро-металлический голос. Рим, город традиций Возрождения, город искусства, город передовой индустрии и живого средневековья, город радиоавтоматов, заводов Фина и мрамочных стен Ватикана с узкими бойницами, вдоль которых продаются шапки гвардейцев в опереточных формах; или в треуголках со шпатами, или же в двухцветных арлекинских камзолах.

Вокруг шуют монахи, подпоясанные веревками, гуляют жемчужноглазые девушки с голыми коленками и в юбках абазурчниками. Изящит с бородой поц Иосиф Христа рассуждает со мной о

фресках Странного суда, о статуе Аполлона Белведерского в музее Ватикана, о нарочито нарушенных скульптором пропорциях, подчеркивающих величие красоты; и... взвывает словечко о «величии католической империи с ее четырьмястами миллионами католиков.

Я спросил свободно владеющего русским языком иезуита, где в Риме Площадь цветов.

Он сразу насторожился, опустил жемчужные глаза.

Дл. 17 февраля 1600 года на Площадью цветов в Риме сталися дни.

Тотшотворно нахло горельмам. С кюстра иноканции отказались сойти великий ученый, дерзкий мыслитель Джордано Бруно.

Он не повелел отлучиться от своей кармошной, опасной, еретической мысли о множественности населенных миров, о том, что жизнь и разумные существа есть и вне Земли.

— То было время грубых нравов, — вздохнул красавец инок, которому Орден многозначительно поручил оказывать советским туристам внимание. — Напрасно Джордано упорствовал. Ведь у него не было никаких фактов для выдвижения его гипотезы.

Иезуит очень начитан. Он может говорить о чем угодно, даже о науке. Ведь перед ним такой пример, как выступление самого папы римского в среде астрономов в Риме, где гипотеза о разлетающихся галактиках была исподозвана его святешеством

для доказательства акта творения, после которого и «полетели в разные стороны звездные острова».

Роговая ошибка Джордано Бруно, — продолжает иезуит, поглядывая на окружающую нас толпу туристов, — заключалась в том, что его гипотеза была антинаучной, даже с нашей, современной точки зрения, поскольку не опиралась на известные факты.

Среди туристов оказался аспирант, молодой лысеющий человек атлетического сложения, в очках с тяжелой оправой.

— Позвольте, снйор, — вмешался он в беседу. — Не все гипотезы в науке предлагаются для объяснения уже известных фактов. Гипотезы порой выдвигаются в предвидении обстоятельств, которые следует отыскать и которые иногда отыскиваются.

— Господи ученый мог бы привести пример? — смиренно спросил монах.

— Охотно. Известна ли вам гипотеза о существовании погасших звезд?

Монах утвердительно кивнул головой.

— А ведь она давно превратилась из гипотезы в научный факт. С появлением радиотелескопов были обнаружены невидимые в оптический телескоп погасшие звезды.

— Амен! — сказал монах. — Я знаю, сейчас вы мне напомним, что такая эпохальная теория, как теория относительности Эйн-

штейна, оттолкнувшись от объяснения относительности и неравального опыта Майкельсона, заставляла впоследствии ученых искать факты для ее подтверждения или опровержения. Согласитесь, что предствления об «антинауности» меняются. И Эйнштейну же коллеги в двадцатом веке готовы были символически сжечь на костре. Будем же снисходительными к тем, кто в средние века обуреваем же иступленным служением вере.

— Кстати, эта иступленная вера, — не сдержавшись аспирант, — строилась на отнюдь не доказанной гипотезе о существовании бога.

Жизнелюбивые глаза светила, красивое лицо стало стралдальческим.

— Вера, господин, не гипотеза. Она не нуждается в подтверждении. В своей нерушимой святости она существует не в силу каких-либо доводов, а вопреки любым аргументам.

— Знаচিত, вера, — сказал аспирант, — это — оселение и предубеждение. Она никогда не может породит научную гипотезу.

Ее уклад — известный борословский спор: сколько чертей помещается на острие иглки? А научная гипотеза всегда научна, если она, как первое рабочее предположение, исходит из правильной, материалистической точки зрения. И только гипотеза, выдвинутая с враждебной точки зрения, антинаучна и обречена.

— Кюстер на Площадии цветов

ной бомбы и атомного вооружения будущего.

Их которые то двалаи. Правда, их было не так уж много, потому что место было слишком открытое и оживленное. На противоположном углу находился сильный полицейский пост. И все же подписавшихся было порядочно. В списке стояли дивные ряды имен.

Юн хотел пройти, как обычно. Пожилая женщина и ему протянула авторучку. Он поменял какой-то миг. Тут его отгесивли. Оглянувшись, он увидел двоих, которые несли карту с обвеем сторон картовой бомбы. Справа стоял седоволосый старик в толстых роговых очках, слева — молодая женщина с точеным лицом. Юн узнал знаменитую кинозвезду, у которой выпрашивали автографы. Ему вдруг показало, что она похожа на женщину из лесной сторожки, на женщину с ребенком.

Юн резко повернулся на каблуках, толкнув при этом какого-то толстяка. Он стремительно промчался мимо оскорбленного обладателя большого живота к маленькой палатке. Группы людей окружала стоа. Люди смотрели попеременно то на пожилую женщину, которая

протягивала авторучку, то на помещейского на противоположном углу. А сколько шипков Бромма рядом? Время времени кто-нибудь из прохожих твердым шагом направлялся к столу. Юн тоже наклонился над списком и вывел свою фамилию. В это время к столу подошла молодая женщина, стоявшая на посту, и извинилась перед пожилым.

— К сожалению, мн пора на рещетацию. Наш главный режиссер не возражает против того, что я здесь стою. Это уже достаточно много. Но опозданий он не терпит. Сегодня все идет хорошо. До свидания!

— Он прислушался.

— Можно мне заменить вас? — спросил он.

— Он не знал, как и почему произнес эти слова. Актриса улыбнулась и протянула ему руку.

— Конечно!

Пожилая женщина глазами поискала в списке его имя.

— Мы были бы вам очень благодарны, господин... господин Хасколов, — сказала она.

Юн встал около бомбы. Он с вызовом смотрел на помещейских и на перекресток. Он стоа очень нямю.

Перевод с немецкого Ирины МЛЕЧИНОЙ.

НЕ ИНИ!

Рисунки Е. Медведева.

давно полаг, господа,— примирительно сказал монах.

— Но мысль Джордано горит...
— Но ведь в наше время нет прямых доказательств гипотезы о пребывании разумных существ на Земле,— кратко заметил неуклюжий, пряча торжествующий взгляд.

— Доказательства?...
— Мы все думали о доказательствах, пока возвращались на Рим в поезде, в автобусе, на маленьком паровозике, пока стояли, наконец, как на кусочек родной земли, на наш теплоход «Любед», который должен был обойти вокруг Европы.

Жесткообразно! Неважно несколько отдал нас от этих размышлений. Он восхитился не только эмальным небом, привычным по фотографиям контуром Везувия, замком Лукулла, буднично возросшим, но и ажурными в колымаж каменных улиц-эмпей виллами, несметным числом чистых прострел, развешанных на веревках по фасадам едва ли не всех домов, узкими проходами в самом центре города, которые становятся частью бедных квартир, когда открываются двери первых этажей, и особенно непосредственным, привлекательным неполовитаем.

Но забудутся развалины Помпеи с наменными мостовыми, на которых в течение веков колесницы выжили колес. Всегда будут запоминаться отвесные скалы Капри. С них был сброшен один из римских тиранов. Эта казнь была придумана им самим: он сбрасывал со скал Капри своих врагов. Как сповидание, останется в памяти посещение волшебного Голубого грота, в который свожешься с моря лодкой, прибываешь к самому ее дну, а потом, ошеломленный, вдруг чувствуешь, что паришь в голубом пространстве... Голубые сияние avvolgono вас вокруг и над тобой и под килем лодки...

И вот мы снова на родной лубе.

Аспирант здорово играет в пинг-понг. Приходите долго ждать, пока это кто-нибудь «выставит» и можно будет опять поговорить.

Нас несколько человек. Мы рвемся задать ему уйма вопросов.

Наконец мы завладели им. Горюют он охотно. У него чуть странная привычка смотреть не собеседника, а вдаль. Его тяжелые очки мы в шутку назвали астрономическими.

Так как же? Прав егидийский монах? Доказательства нет? Дым костра инквизиции давно исчез, но ведь не мог же он задушить мысль о возможности существования отмененных «божественным» разумом обитателей иных звездных миров!.. Ведь в наше время теперь считается предложенным, что жизнь во всем ее проявлениях может существовать и вне Земли.

— С этим согласны все прогрессивно мыслящие ученые,— ответил монах. — Особенно согласны,— добавил он с улыбкой,— когда речь идет о земных отдаленных мирах.

И он рассказал, что крупный итальянский ученый, астроном, академик В. П. Фесенков по слову монаха, очень скептически относился к существованию жизни на близких планетах, в своей

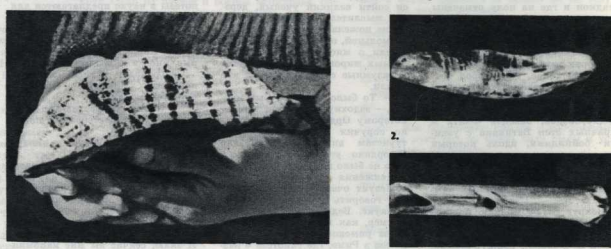
совместной работе с академиком А. И. Опариным пришел к мысли об обитаемости в нашей Галактике по крайней мере ста пятидесяти тысяч звезд. Он считает, что лишь одна звезда из миллиона (!) обладает планетой с условиями, близкими к земным. По Физельсу, жизнь там должна была возникнуть и неуклонно развиваться, пока не увеличатся пламенем разума, через которых природа познает себя. Не говоря уже о том, что звездных островов, подобных нашей Галактике, в космосе несметное множество, можно вспомнить мнение других ученых, полагающих, что цифра академика Фесенкова занижена «на порядок», то есть преумножена в десять раз. Но даже и по приведенному, очень осторожно подсчету, количество населенных миров все равно огромно. Ведь если по теории вероятности жизни на половине этих миров еще не достигла земного развития, то на семидесяти пяти процентах (!) планет жизнь невозможна нам разумных существ по своему развитию, в том числе по уровню культуры, ушла вперед по сравнению с нашей Землей.

Обычно считается, что миры эти отдалены от нас такими большими расстояниями, что для преодоления их понадобились бы жизни многих поколений космонавтов. Кавалось, трудно представить, что в таких условиях разумные существа разных миров

жег бы оправданно,— сказал аспирант,— что после смерти Г. А. Тихова возглавлявшийся им сектор астробиологии Академии наук Казахской ССР прекратил свое существование.

— Подальше время,— продолжал он,— когда к Марсу полетят и наши космические разведки, сначала автоматические, потом живые, мыслящие. Они и скажут последнее слово об обитаемости этой планеты и о провозглашении ее двух спутников — Фобоса и Деймоса. Вам, может быть, известна гипотеза профессора Шалогова о спутниках Марса, которые тормозятся разреженной марсианской атмосферой потому, что являются примерами созданными когда-то разумными обитателями Марса.

Однако дело не только в Марсе. Даже самые скептические умы допускают, что где-то в космосе разумная жизнь, несомненно, существует, нестами достигая более высокого уровня развития, чем на Земле. А это значит, что мечта о ступени человека в космос где-то уже осуществлена и быть может, давно. Ведь если люди за какие-нибудь сто лет встанут свои машины увеличат скорость от десяти километров до сотни тысяч километров в час, если в одном только двадцатом веке человечество сделало труднопопнимый шаг

когда-нибудь встретится, но...

— Так ли уж невероятна на поверку подобная встреча на протяжении, скажем, тысячи человеческих лет,— спросил из нашего собеседника. Нам казалось, что он что-то знает...

— Большинство астрономов считает исключенной жизнь на близких планетах,— ответил аспирант.— Но существует и другая точка зрения. Обитаемость Марса еще в конце прошлого века допускал и горячо отстаивал выдающийся итальянский астроном Луиджи. Наве эту точку зрения, несмотря на всю ее фантастичность, защищают его преемники.

И он вспомнил о выдающемся советском астрономе, создателе новой науки — астробиологии, недавно скончавшемся члене-корреспонденте Академии наук СССР Гавриле Адриановиче Тихове, который доказывал, что на Марсе есть растения и эти космолеты подтверждал мысль о разумных марсианках.

— Очень жаль и едва ли мо-

от признания атома до использования его внутридальной энергии, то вполне возможно допустить, что где-то в космосе звездоточке уже достигли скорости, близкими к скоростям света. Стоит напомнить, что тогда опунтимо кажется парадокс времени, вытекающий из теории относительности: суть его в том, что время космонавта, летящего с околосветовой скоростью, течет медленнее, чем время любых обитателей Галактики.

Среди нас некоторые никак не могли представить этого.

— Полагать этот парадокс времени сравнительно просто,— с улыбкой стал объяснять аспирант,— если допустить для наглядности, что течение времени, абсолютное и неизменное для всех точек и условий пространства, измеряется углом поворота воображаемой стрелки. Однако прожитый отрезок времени, отмененный длиной дуги, и градусы часов для конца стрелки, для ее середины или для точки у самого центра вращения.

Для миров с обычными скоростями, для нашей Земли, любых звезд и планет прожитый отрезок времени соответствует перемещению конца стрелки. Звездоточке же, набрав скорости, по мере приближения к окрестностям или как бы перемещается по стрелке времени к оси ее вращения. И естественно, что при скоростях движения, близких к световым, когда прожитый отрезок времени на звездотеке отстает от точки близ центра вращения стрелки времени, дуга, пройденная ею, будет, скажем, в тысячу раз короче, чем дуга, описанная концом стрелки.

Таким образом, до самых далеких пределов видимой вселенной космонавт мог бы долететь за время нормальной человеческой жизни.

И если мы можем представить себе звездолет в космос, то у нас нет оснований отказываться от того, чтобы представить его летящим через бездны пространства... к Земле.

Мы рассуждали о том, что если такой звездолет в самом деле когда-либо летел к Земле, то нет ли в нашей планете следов посещения жизни звездных пришельцев.

Мысль, что такие следы есть, высказывалась не однократно. И вряд ли оправданно называть такие мысли антинаучными, если они даже, как говорит ученик, и недостаточно аргументированы.

1. Когда-нибудь встретится, но...

2. Так ли уж невероятна на поверку подобная встреча на протяжении, скажем, тысячи человеческих лет...

3. Мысль, что такие следы есть, высказывалась не однократно.

Но не появились ли эти факты теперь?

— Это мы и хотели узнать. Мы убеждены были, что наш аспирант что-то знает.

И мы ли не забывались.

Он предложил показать (именно показать!) кое-что в салоне. Сначала да шахматным столиком сидело человек пять. Кто-то играл на роле. Потом музыка смолкла, и над столиком сияли лампы. Слово рассматривали интересную шахматную партию. Скоро пришлось раздвинуться, а книги и конверты, которые принес аспирант, стали переходить на рук в руки.

Лишь в конце нашего путешествия, когда мы были на Хельсинки в Фигу, мы удалось переписать все фотодокументы, которые тогда он показал нам. Их и привожу сейчас, ругаясь за их подлинность.

— Вы хотите знать факты? — начал аспирант. Хотите знать хотя бы, нельзя ли их найти в указанном гипотезам направле-

нии? Что же! Я расскажу вам кое-что, но, заранее оговорюсь, что всякий факт допускает различные толкования. Выбирая сначала лишь желанные нам, но не исключая других, мы постепенно подойдем к таким фактам, которые прозвучат уже однозначно и, быть может, являются ключом к целой цепи неразгаданных тайн.

Итак. Перед нами фотографии (фото 1), снятая совместной советско-китайской палеонтологической экспедицией под руководством доктора наук Чжоу Минчэна в 1989 году. Этот отпечаток оставлен на песчаном пустыни Гоби м я д л и о н м лет назад... По размерам и рисунку он очень напоминает след пологих космонавта, ступившего на Землю, когда на ней еще не жили человекоподобные. Это — наш с объяснением. Но других объяснений этому отпечатку палеонтологам пока не дано.

— Неужели Земля посещалась звездными пришельцами до того времени, когда они могли видеть на ней лишь исполненных ящеров, животных мир, не породивший еще человека? — воскликнул один из слушателей.

— Как разочарованы они, верно, были, поняв, что прилетели на какую планету слишком рано!

— Но они были? Откуда? Куда и куда улетели? Неужели не оставили никакого следа, кроме

рому», — то есть миллион лет назад (!), и не статистически и структурно.

Миллион лет назад на Земле и человека в его теперешней виде еще не было. Он не ступил даже в камешки свои. О каком металлическом инструменте может идти речь?

И тем не менее обработанные металлом миллион лет назад кости перед нами. Рассмотрим их. Удивительно точные круглые и квадратные отверстия... лапы, желобки... Разрозненные пополам резацы животных носят следы п л и ф о в к и !.

Как это ни невероятно, но... немалым является, что кто-то мастерил из подручного материала сложные части неизвестного прибора.

Кто знает, какая трагедия произошла с космическими пришельцами вынужденными убраться в пещеру?

А ведь кости существуют. Их можно держать в руках, исследовать. Пока другого объяснения, чем здесь приведенное, единственные кости не находят.

Слушатели переглянулись. О чем подумал каждый из них? Улетели ли эти пришельцы с Земли? Что с ними произошло? Какова их судьба? Кто ответит на эти вопросы!

Аспирант почему-то вспоминал о Зальцбурге! Город вблизи Ав-

скавчи,— в другую горную местность, в Альта, в партоз древних инков, на романтическое горное озеро Титикака, ослепное легендами и именем бородатого Контки-Уираоча.

До сих пор вокруг этого горного озера (фото 4) сохранилась хорошо различимая линия древнего берега... морского берега! Там можно видеть остатки морских водорослей, ракушки и... р а в л и н н о м о р с к о г о п о р т а .

Слушатели ахнули.

— Да! Морское порто! Озеро Титикака, как сходится во мнениях все геологи, прежде было морским заливом.

Кто-то вспомнил, что чешские путешественники Зимуду и Галзелья рассказывают, что по озеру теперь плыло множество дам колесных парокондук, на так далеко с огромным трудом, но на яхтах, доставленных туда, на высоту четыре тысячи метров!

Когда же поднялся морской залив, превратившись в горное, аэобальное озеро? Когда титикакской складкой встали Анды, завершая западную оконечность Южной Америки?

— Среди геологов нет единого мнения о времени этого катаклизма,— сказал наш ученый.— Некоторые на них ссылаются, что это произошло несколько сот тысяч лет назад.

— Позвольте! Несколько сот

1940 году загадочные знаки. Они оказались астрономическим календарем большой точности, но... в этом календаре ГОД СОСТОЯЛ ЛИШЬ ИЗ 280 ДНЕЙ... 10 месяцев по 24 дня и 2 месяца по 25.

Пожоже, что на Воротях Солнца запечатлен НЕЗЕМНОЙ КАЛЕНДАРЬ.

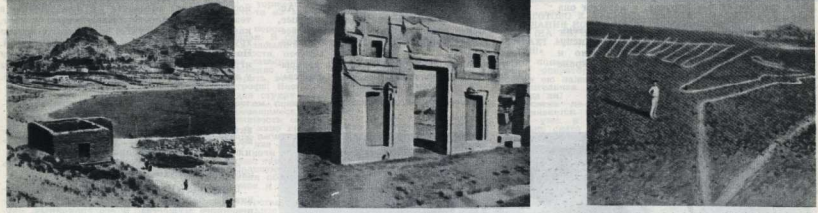
И снова переглянулись слушатели.

В память нашего события, а память какого посещения и нанесено этот календарь на древние ворота на берегу аэобального озера?

Сколько тайн связано с легендарными государствами древних инков! Я ведь сам читал, что завоевавшие это государство испанские конкистадоры в своих мемуарах хвастали, что инки приняли их, бросившись, за своих неба, когда-то в древние времена организовавших государство инков и обещавших вернуться. Испанцев поразили и встревожили некоторые принципы, на которых существовало общество инков. Вот некоторые из них: отсутствие частной собственности, презрение к богатству, обязательный труд для всех и бескапитальный хлеб всем.

Испанские конкистадоры истребили инков. Лишь руины дворцов и храмов свидетельствуют о былой культуре.

А наш рассказчик продолжал

4. этого отпечатка? — слышался вопрош.

— Кто знает, что происходило на первоначальной Земле, какие были может, трагедии разыгрывались на ней... улыбнулся аспирант.— Попробуем восстановить одну из них.

Вот два фотодокумента (фото 2 и 3). На них изображены ископаемые кости, найденные совсем недавно Т. Г. Гридденом и И. Я. Янко в одесских катакомбах. Это кости современных палеоиндуса — ископаемых страусов, верблюда и гнел. Они были связаны в ордом на подземных ходах, теперь насчитывающих 500 километров, а в древности представлявших собой первобытные пещеры.

Но что же в этом особенного? Разве не мог первобытный человек свалить эти кости в своей пещере?

— Свалить мог, но... обработать нет! Да, обработали! Эти кости обработаны в И. Я. Янко, как установила экспертиза, ип о с м-

стрийских Альп. Выносятся лент дороги с подпорными стенками. Озера с отраженными в них скалистыми хребтами. Альпийские луга сочных трав и ярких цветов. Скалистые асфальды, романтические и нежные, и удивительное озеро в краю скал, родившее и тирольские сырники.

Мне приходится бывать в Швейцарии, неподалеку. Как и казалось, что не зная тогда об экспонате, о котором сообщает французский журнал «Science et vie» (№ 516, сентябрь 1960 года) и о котором зная тогда наш аспирант!

Стальной параллелепипед — 67×67×47 миллиметров... Вес — 786 граммов. Обработаны сталью. Она, как утверждала, была найдена в 1886 году австрийским физиком Гурльфом в угловом пласте третичного периода!.

Если это так, то кто мог извлечь и обработать на древнюю Землю изделие умелых рук и развитого ума?

— Теперь перенесемся на другую континент,— предложил рас-

тисся лет назад существовал морской порт? — поразились капитан корабля, который незаметно подошел к нам.

Будем считать доклад,— пошла плечами аспирант.— Я хочу рассказать вот о чем. Вблизи остатков морского порта сохранились руины цркснопортского сооружения древнейшего города Титикака, в числе их развалины храма Каласасова, насчитывающие по меньшей мере 12 или 15 тысяч лет.

Несомненно, интересны Вороты Солнца (фото 5), покрытые своеобразными изображениями неороглифами.

Известна легенда, по которой один из правителей древних инков ввел ульскую письменность (кипу), повелев повсеместно уничтожить все древние неороглифические надписи. И только на Воротях Солнца они почему-то сохранились.

Ученые Поансански и Кнос заинтересовались этими неороглифами, а Эпштейн, продолжая их исследования, расшифровал в

удивил нас все новыми сообщениями.

— Совсем недавно во время аэрофотосъемки в Андах,— говорил он,— на плоскогорье Наска были обнаружены табуны на километры странные знаки, выложенные из светлых камней (фото 6).

Высказывались предположения, что мы имеем дело с своеобразным солнечным календарем. Некоторые его линии якобы должны сверкать под лучами солнца в дни равноденствия. Однако обычную конфигурацию знаков можно рассмотреть лишь с очень большой высоты, словно они должны были служить указателем при посадке.

— Не являются ли эти линии «последними знаками»? Не являются ли они для тех, возвращаясь кого ждали инки и кто, возможно, на самом деле когда-то поселился там.

Наш рассказчик ушел. Его уже не нужно было прерывать.

(Продолжение в следующем номере.)

ДЕБЮТЫ МОЛОДЫХ

Э. ТАДЕ

АНАСТАСИЯ ВЕРТИНСКАЯ

Пробовали ли вы когда-нибудь бороться со своими руками? По всей вероятности, нет. А вот Настенька Вертинской пришлось с ними бороться долго и упорно. Оказывается, она всю жизнь не умела правильно дыгаться, разговаривать, слушать, смотреть, бегать. И выяснилось это на первой кинопробе в фильме «Алые паруса», в котором она играет Ассоль.

Сидя в темном просмотрном зале, Настенька с изумлением следила за тоненькой испуганной девушкой, которая напряженно и безуспешно пыталась выполнить на экране задание режиссера. Неужели это она?

И все же, несмотря на неопытность юной актрисы, постановщик фильма Александр Птушко утвердил ее на роль Ассоль. Его привлекала молодость, непосредственность и несомненный талант Вертинской. Ей недавно исполнилось 16 лет. Высокая, хрупкая, с тонкими, нежными чертами лица, девочка внешне необыкновенно подходила к образу Ассоль. Особенно поражали ее мидальцевидные, мечтательные глаза, которые придавали всему облику девушки особую прелесть и своеобразие.

С трепетом и волнением Настенька раскрыла замечательную повесть «Алые паруса».

Ей казалось, что она, понимая и чувствуя образ Ассоль, тут же сможет сыграть ее. Ведь Ассоль — это любимая героиня! Но не так все было просто. Вместе с известной актрисой и педагогом Серافимой Вирмай Настенька проходила заново все качества Ассоль. Разбирая каждую строчку, каждую фразу Грина, она старалась понять характер героини, поэтический строй ее мыслей и чувства.

На съемку Настенька явилась подготовленной. Началась работа. Вертинская стремилась передать главное в образе Ассоль — ее чистоту и поэтичность. Снимаясь, она всегда помнила, что говорил Грин о своеобразной природе героини: в ней жили всегда две девушки, — две Ассоль, перемешанные в замечательной прекрасной несправедливости. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастеровитого игрушечника, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимосвязи их теней и света, падающих от одного на другое.

Съемки уже закончены, фильм «Алые паруса» скоро выйдет на экраны. Позади остались бессонные ночи, творческие сомнения, споры, горести и радости. Теперь работу съемочного коллектива будут оценивать зрители. С волнением ждет отклика о своей работе и Вертинская. Она твердо решила стать актрисой. Сейчас Настенька кончает девятый класс в школе рабочей молодежи. Интерес ее разнообразен — увлекается музыкой, спортом, изучает английский язык. А главное — всегда готовится к поступлению в театральный институт. Настенька понимает, как мало она еще умеет и как много нужно трудиться, чтобы стать настоящей актрисой. Но какую бы роль в будущем Вертинская ни сыграла, Ассоль навсегда останется в памяти у нее самой дорогой и самой любимой ролью.

ЮРИЙ НАЗАРОВ

У каждого актера творческая судьба складывается по-своему. К одному удача приходит с первой роли, другой добывается признания долгим и кропотливым трудом.

Когда у молодого актера Юрия Назарова, выпускника театральной студии имени Щукина, спросили, какие роли он играл в студии, то он, не задумываясь, ответил: «Моей дипломной работой была роль милиционера на мосту в спектакле «Весна в Москве». Текст роли умещался на одной страничке записной книжки. Вот, пожалуйста, и всё!»

У тех, кто видел Назарова в новом фильме «Последние залпы», такой ответ вызвал невольное удивление: не может быть, чтобы

этот несомненно талантливый и глубокий актер, созданный в фильме сложный психологический образ, играл большую и серьезную роль впервые в жизни! Тем не менее это так.

— Как же случилось, что вас, молодого актера, пригласили в фильм на столь ответственную и трудную роль?

— Как? Собственно говоря, это произошло очень просто. Однажды и дежурил на студенческом вечере. И мне приходилось распространяться перекорюнками, помогаями установить порядок в зале. Случайно на мой командирский тон и движения обратил внимание ассистент режиссера со студии «Мосфильм», который приехал к нам подбирать

актеров на роль капитана Новикова в фильме «Последние залпы». А на другой день меня вызвали на кинопробы.

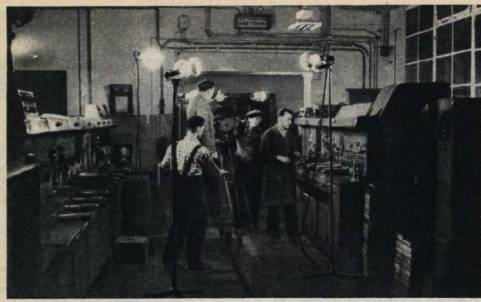
Этот курьезный случай помог раскрыть настоящего, одаренного актера.

В фильме «Последние залпы» капитан Новиков — человек железной воли и необыкновенного мужества. В его спокойных, сухих жестах чувствуется огромная внутренняя сила, которой невольно подчиняются все окружающие. Строгое лицо, усталые и прищуренные глаза, суровые складки губ — от всей фигуры капитана веет зрелостью, вышито, уверенностью. Сколько лет этому человеку? Кажется, он не молод. И только на одно мгновение, когда один из героев фильма спрашивает Новикова, сколько ему лет, зритель вдруг замечает, что перед ним молодой человек, которому едва перевалило за двадцать.

В своей первой роли Юрий Назаров дал точную психологическую характеристику своего героя. Это большая творческая удача молодого актера.

Сценарист фильма Юрий Бондарев, наблюдая за работой молодого актера, отмечает: «Юрий Назаров играет настолько достоверно, что иногда на съемках фильма мне казалось, что я знаю его очень давно: от его манеры говорить, от манеры думать, от его орбиталей и вельмо тей жесткими годами, когда моему поколению суждено было воевать».

Естественно, что после удачного дебюта Юрий Назаров получил много предложений сниматься в новых фильмах. Сейчас он заканчивает съемки на студии имени М. Горького в фильме «Под Москвой», рассказывающем о тяжелых годах войны. Но молодой актер мечтает создать образ своего современника.

КИНОЛЮБИТЕЛИ СНИМАЮТ ФИЛЬМ О НОВОЙ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ НА ЗАВОДЕ.

Н. ВЛАДИМИРОВ

ПОДНИМАЕТ НАСТЕРТА!

Фото М. Муразова

Николай Ветчинина и Анатолий Михеев и застал за лихорадочными сборами: через два часа они должны были выступить по московскому телевидению с рассказом о работе любительской киностудии. Анатолий спешно промаршировал к тем, кто последние фильмы. Николай готовил сценарий режис.

— Ну вот вы уже стали киномастерами, — пошутил я. — К вам и не подступится.

— Что вы, — добродушно рассмеялся Николай, — науку же знаменитости! К тому же я пописываю иногда в газетках, так что нам с вами нетрудно столкнуться.

Николай и Анатолий рассказали о том, как была создана и как работает студия кинолюбителей на Первом Московском часовом заводе.

В конце 1956 года комсомольцы решили сделать фотостенку, чтобы показать, как на заводе сохраняется рабочая атмосфера. Хотели показать примерные шкафы, покрытия, повалы ленточных и нечистоты. И тут кто-то сказал:

— Эх, сделать бы кинофильм на эту тему!

Это предложение вызвало бурные споры. Одни говорили, что за кино не стоит и браться — ничего раньше не успели многие и фотографировать, а теперь на заводе десятки фотографов.

Решили все-таки попробовать свои силы в киноискусстве.

После упорного штурма преодолели первую преграду. Уговорили бухгалтерию, которая сперва сомневалась не хотела о таном дороговизне напичканных, купит универсальную кинокамеру.

После режисера, который помог с помощью на «Мосфильм». Первые премудрости киносъемки преподать им помог «Мосфильм» Сергей Шендерович. Шендерович так сказать, он помогает режисерам и до сих пор.

Посмотреть дебют студийцев собрался чуть не весь завод.

— Ну, дерзайте, любезни-

и и гравитизм — горющество, еще слышала кто-то из зрителей. — ушла — порок и не был наказан. В спешке и волнении позыбли о технических особенностях, произошло короткое замыкание, и фильм мгновенно сгорел.

Что и говорить, это была почти катастрофа! Наступили черные дни студии дни. Один за другим походили на разочарованные.

И только одержимость самых влюбленных в кино спасла студию. Вскоре ребята получили комнату для занятий.

До глубокой ночи не гас свет в ее окнах: там студийщики специально литературу, материалы оборудовали для съемок и обработки пленки.

В этом упорстве слышалась замечательная черта нашей молодежи: являясь знатоком в деле и культуре, и равнообразную творчеству, и интересному и полезному использованию свободного от работы времени.

Ижевск, Ветчинина, Александр Михеев, прибориста Горин, юна и людей многок других специалистов привнесло сюда желание овладеть этой легендарной и трудовой профессией кинематографиста.

И вполне естественно, что главным объектом их съемки стала жизнь родного предприятия.

Фильмы о бригадах коммунистического труда, фильмах учебные, помогающие новичкам быстро освоиться со сложными производственными процессами, фильмы о новой технологии и об изобретателях — все символически бесполовые самостоятельные кинематографисты.

Один из фильмов — «Новый метод изготовления твердосплавного инструмента» (этот метод, дающий миллионы рублей экономии, разработали изобретатели завода совместно с сотрудниками ВИАМ).

Один из фильмов — «Новый метод изготовления твердосплавного инструмента» (этот метод, дающий миллионы рублей экономии, разработали изобретатели завода совместно с сотрудниками ВИАМ).

— Кстати сказать, — лукаво улыбается Николай, — теперь бухгалтерия относится к кинолюбителям очень тепло: фильмы студии приносят заводу большие приходы.

Этот фильм получил высокую оценку не только у инструментальщиков. На Всесоюзном смотре любительских фильмов в 1959 году он получил вторые премии.

Тогда же второй премия была присуждена зрителям завода за фильм «У детей за городом».

История его создания такова. — Сто двадцать ребят дошкольного возраста — дети работников завода — целую зиму проводили в загородном оздоровительном городке.

Естественно, мамы и в особенности мамы весьма тревожились: как там познаются их ребята? И тогда кинолюбители поехали в городок и сделали интересный, секретный фильм о жизни детей, причем сумели показать каждого из ста двадцати ребятки.

Велико же было удовольствие всех пап и мам, соприкоснувшись в кинозале завода посмотреть этот фильм. Еще бы: они получили документальное свидетельство о том, что их чада не только в полном здравии, но и отлично живут и работают.

Председатель жюри Всесоюзного смотра любителей кинофильмов народный артист РСФСР Г. Рошаль дал этому фильму очень лестную характеристику.

— Мы теперь очень заинтересованы кинолентой — у нас семь кинокамер три ширинпольномые и четыре — пленочные. Сами сделали несколько пленочных носкуью револьверную камеру, много другого оборудования.

Видите вот эту камеру? Она у нас знаменитая. Во времена второй мировой войны фашистские кинооператоры снимали во пленочные Парижа. После этого они ринулись на Восток: сфотографировать их на фоне падения Москвы. Но до этого момента им дойти удалось. Под Ленинградом на-

ВСЕ ГОТОВО К СЪЕМКЕ. АНАТОЛИЙ МИХЕЕВ ЗАМЕР В ОЖИДАНИИ КОМАНДЫ ЗА КАМЕРОЙ НИКОЛАЙ ВЕТЧИНИНА (НА ПЕРВОМ ПЛАНЕ) В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ОСМАТРИВАЕТ МЕСТО СЪЕМКИ. ЕЩЕ МГНОВЕНИЕ, И... «ПАЧАДИ»!

мера попала в руки советских операторов, и они сняли его падение Берлина. Почувственная история, не прервана без дела. Ребята уже и не помнят, сколько снято за эти годы фильмов на самых разных темах. Но некоторые из них запомнились надолго.

В красочном дипломе, хранящемся в студии, написано:

«На Втором Всесоюзном смотре любительских фильмов 1960 года любительская киностудия Первого московского часового завода награждена Дипломом и почетной грамотой ВЦСПС за привлекательный обзор темы, отличную сценарную и операторскую работу в фильме: «Давайте познакомиться!».

«За почетное участие в конкурсе».

ЗДЕСЬ ВСЕ СДЕЛАНО СВОИМИ РУКАМИ: И МОНТАЖНИК СТОЛ И РАЗЛИЧНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ПЛЕНКИ. ЛЮДИ ЖИЛАБЕИ И НАЛИ СЕМИНА МОНТИРУЮТ НОВЫЙ ФИЛЬМ.

ное звание, «Новый нон-пелер».

Планы на будущее у нас большие. Хотим создать несколько фильмов о внедрении новейших достижений науки и техники в производство часов; обязательно сделаем фильмоочерки о лучших людях завода.

Недавно к нам пришло письмо из Болгарии Центральной киностудии любители приглашает нас к себе. Будем снимать фильм о давнишней дружбе наших народов. Вместе с болгарскими кинолюбителями пройдем по местам, где русские и болгары бои о бои сражались в 1877—1878 и 1944—1945 годах.

Этот фильм будет шестой, снимать будем сразу два варианта — на широкую и узкую пленку. Приходите осенью посмотрите!

ЗДЕСЬ ВСЕ СДЕЛАНО СВОИМИ РУКАМИ: И МОНТАЖНИК СТОЛ И РАЗЛИЧНЫЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ПЛЕНКИ. ЛЮДИ ЖИЛАБЕИ И НАЛИ СЕМИНА МОНТИРУЮТ НОВЫЙ ФИЛЬМ.

Из цехов Сталингорского химического комбината продукция выходит в виде порошков с мудреными названиями: карбонид, аммиачные солитры...

Но эти прозаические порошки творят чудеса, как только попадают на колхозные поля. Стоит раствором карбонида полить самое чахлое растение, как оно начинает расти на глазах. В этом белом, словно сахар, порошке секрет семь процентов азота. Настоящий жизненный эликсир!

Когда в январе 1960 года строители и химики Сталингорского комбината взяли обязательство сдать несколько новых цехов до года раньше намеченного срока, им поверили: это будет сделано!

Хотелось верить. Получить дополнительно тысячи тонн отличных удобрений — значит получить за счет них горы хлеба и мяса!

Правительство выделило химикам средства, фонды материалов и оборудования. Цехам, которые по обязательству должны были к концу года вступить в строй, на 1961 год установили государственный план выпуска продукции.

Молодые строители объявляли пусковые объекты стройки ударными комсомольскими.

В ДОЛГУ

По колхозным полям к югу все дальше на север бурно шатает весна 1961 года. Парит земля, пробуждаясь для плодородия.

Но не дожидаясь к этой весне колхозники дополнительных тысяч тонн удобрений, обещанных сталингорцами.

Не сдали строители к концу года цех сложных удобрений.

Не ввели в строй первую очередь цеха слабой азотной кислоты.

В новом цехе мочевины не закончили первую линию мощностью в 35 тысяч тонн.

По этим основным объектам стройки сталингорцы не выполнили своих обязательств. На технологических линиях к концу февраля нынешнего года была в разгаре монтажная страда. Строители еще доставляли полы, стекла, рамы, красивые стены.

Как это случилось? Почему строители не сдержали своего слова?

На такие вопросы начальник комсомольского штаба Е. Крацов, секретарь комитета комсомола треста «Сталингорскимхестрой» И. Закуреню, секретарь горкома комсомола П. Жабозенко отвечают коротко и убежденно:

— Поставщики подвели. Задержали оборудование. А без оборудования не построишь! Довод веский. Без материалов и оборудования строить лишь воздушные замки.

Но только ли в этом дело?

ШЬЮТ И ПОРЮТ

Всем известна присказка о рукодельнице Акуле. На вопрос матери, почему «шьет не отгуляв», она бодро отвечает:

— А я, мамочкина, еще пороть буду.

Как часто уподоблялись этой юной мастерице строители Сталингорского химкомбината!

В цехе сложных удобрений мы спросили у монтажника:

— Когда по графику должен быть смонтирован вот этот агрегат?

— Месяц назад... Но тут не мы виноваты. Строители перекладывали заброкованный фундамент. Штурмовали, спешили — и вот намешали.

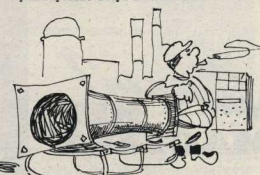
Рисунки В. Недогонова.

ДОЛЖИКИ

Кажется, нет участка, где бы не переделялись злополучные фундаменты. Залют многие кубометры бетона (которого порой так не хватало), потом разберутся — «шьют не отгуляв!» Начинают разбивать. И сами удивляются: как крепко сделано!

Разбивали и переделявали канавы для электрокабелей, колодцы и траншеи, стяжки и выстраивали опорные колонны под краны и вводные конструкции.

Основавательный вклад и нераберуху передель и доделок внесли проектировщики. Щедро разбросали они по бесчисленным чертежам неувязки и недоработки. В конце концов им пришлось поселиться на стройке, чтобы исправлять сегодня на месте то, что спроектировано вчера в кабинете.

СПАСИТЕЛЬНИЦА РАСКЛАДУШКА

В цехе слабой азотной кислоты торжесом монтажа считались контактные аппараты.

— Проставная из-за них. Держат нас поставщики.

Зато когда аппараты появятся, принесем сюда раскладушки и будем штурмовать в три смены.

Но как раз в тот день, когда мы слушали в цехе этот разговор, контактные аппараты прибыли на строительную площадку. И тут выяснилось, что теперь задержка не в них. Еще в мае прошлого года для цеха слабой азотной кислоты поступили абсорбционные бацци. Спиховались — нет троса для подъема их в рабочее положение. Не подготовились пригтовать, хотя долго ждали бацци и тоже считали их торжесом стройки. Два месяца искали трос. Нашли. Успокоились. Вашиши и в феврале 1961 года спокойно лежали около цеха. А уже в январе должны были бы давать продукцию!

Распространенное явление — «случай-раскачка-горячка» — прочно вошло в быт строительства. Ритма в работе и потока в операционной стройке не знала вес 1960 год. Не знает она его и сейчас. Под новый цех, разделение воздуха только еще кладут фундаменты. Но участок уже отстает от графика на двадцать дней. Так, пока на пусковых объектах отделяются от старых «хвостов», появляются новые. Потом придется монтажным бригадам на вооружение спасительницы раскладушки и штурмовать.

Нет, не только поставщики оборудования виноваты в срыве выполнения обязательств. Неправдиво делать их козлами отпущения за грехи и неорганизованность самих строителей.

БЕЗ ОПОРЫ

Первые боины против всяких недостатков — комсомольцы. Это повсюду, а тем более на ударных комсомольских стройках.

Первые организаторы комсомольцев в борьбе с недостатками — комсомольские штабы.

Выполняя ли штаб стройки Сталингорского химкомбината свою главную роль организатора?

С недостатками штаб боролся. Немало доставил хлопот нерадивым хозяйственникам и браковладельцам своими «Сигналами» и «Тревогами». Писали письма комсомольцам заводоуправлений. Члены штаба выезжали и командировали «подкапывать» австрийское оборудование и добивались своего.

Во вся эту деятельность штаба напоминала работу аварийной бригады: старательно латали проехи, бросались туда, откуда слышались сигналы тревоги.

Планомерной организаторской работы штаб не развернул. Широкого актива для опоры на участках себе не создал. Даже члены штаба и те не все энергично работали.

Только своими силами, и тому же несобранным, штаб не мог охватить всего объема работы на громадной стройке с многотысячным коллективом.

Штаб успевал лишь собрать письменные обязательства бригад, потом проверить их и убедиться, что они не везде и не во всем пунктам выполнены. На этом его работа по организации соревнования кончалась.

Штаб затевал стоны прекрасных бланков в армиях заговорами: «Молния», «Тревога», «Брокодил идет по стройке»...

Но начальник штаба Евгений Крацов выглядел довольно смущенно, когда мы прошли по стройке и не могли найти на участках ни одной «Молнии», ни одной «Тревоги», ни одного «Брокодила».

Грозное агитационное оружие лежало в кабинете секретаря комитета комсомола химкомбината А. Аврамова и в ожидании применения бесцельно пылилось.

Видели мы концы плакатов, призывы, календари. Но и тут не обошлось без курьезов. Висит выцветший транспарант «Привет лучшей бригаде стройуправления», и называется фамилия бригадира, а бригада эта давно уже работает на другом объекте. Календари, как сговорившись, пустовали, не показывали, сколько осталось дней до пуска объекта.

— Художников нам не дают... с досадой говорил Евгений Крацов.

Вот, оказывается, где собака зарыта...

А ведь нашлись бы на участках умельцы, заполняли бы как-нибудь бланк «Брокодила» — это же «боевой листок», а не экспонат на художественную выставку.

ВИДАЛИ ОТ СТРОЙПЛОЩАДКИ

На стройке тысяча двести пятьдесят комсомольцев. Мастера и бригадиры говорят о них:

— Отлично работают ребята! С любым заданием справляются. На самые трудные участки идут. Но вот организованности не хватает...

Мы пришли в комитет ВЛКСМ строителей в тот момент, когда его секретарь Лев Закуреню «сидел» на телефоне. Он собрал сведения: сколько в стройуправлении комсо-

мольцев и сколько из них участв, сколько бригад и сколько из них борются за звание коллективов коммунистического труда и т. д. и т. п.

Фото Ю. Воронова.

КУБУ НЕДАРОМ НАЗЫВАЮТ ЖЕМЧУЖИНОЙ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ...

НА ЭТОМ МАЛЕНЬКОМ СУДНЕ «ГРАММА», КОТОРОЕ СЕЯС СТОИТ НА ВЕЧНОМ ПРИКОЛЕ НА БЕРЕГУ У ГОРОДА МАНСАНИЛЛО, ФИНДЕЛЬ КАСТРО И ЕГО СОРАТНИКИ ВЫСАДИЛИСЬ НА КУБЕ, ЧТОБЫ НАЧАТЬ БОРЬБУ С КРОВАВЫМ РЕШИМОМ ДИКТАТОРА БАТИСТЫ.

ДАЛЕКАЯ, НО БЛИЗКАЯ

Я была на репетиции в Доме культуры имени Ленина, когда меня отозвал в сторону наш секретарь парткома и сказал, что мне предлагается в составе делегации советской молодежи лететь на Кубу... Часто говорю, и растекалась. Мне, правда, приходилось бывать в больших командировках, обмениваться своим опытом с предьявляющими другим городам, но ведь тут Куба! Куба, о которой все мы столько слышали и читали, к событиям на которой приковано внимание миллионов людей!. Другой народ, обычаи... Словом, было от чего развиваться.

И вот уже позадди Атлантического океана, Канада, Мексика. В самолете нас, советских граждан, сопровождает первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, главный редактор «Комсомольской правды» Юрий Воронов, первый секретарь ЦК комсомола Узбекистана Миррахим Ибрагимов, знаменитый пианист с Украины Леопольд Лукашевский, переводчица Рудольфа Шляпникова, Кира Фивен-

ская и я. Машина идет на посадку, останавливается. Распахивается дверь — и в кабину врывается теплый, влажный воздух, шум тысяч голосов, музыка. Пассажиры в самолете пропускают нас вперед, и мы на земле Кубы...

В первую же минуту нас заваливают цветами. Вокруг смеются молодые лица, крепкие загорелые руки. Большинство парней и девушек в гимнастёрках, почти у всех оружие. Оно ни на секунду не дает забыть о том, в каком положении находится эта маленькая мужественная страна. Кто-то хлопает по плечу Шляпникова: «Как дела, товарищ?». Это старый знакомый Рудольфа по VI Всемирному фестивалу молодежи, Дьюль Дюменеч. Теперь он — член руководства Ассоциации молодых повстанцев (так называется молодежная организация Кубы). Как и у всех, у него за плечами автомат, на поясе пистолет... В суматохе мы ищем автографы, пожимаем десятки рук. Ибрагимов

ва сразу же принимает за кубинца и даже пытается посадить в другую машину, объясняя, что первая — только для советской делегации... Наконец машинным трогаются. Прямо с аэродрома мы едем в Дом молодых повстанцев. В Москве в это время готовились встречать Новый год, а здесь, в Гаване, цветут деревья. На улицах большое движение машин. Но даже на первый взгляд в обилие города чувствуется суровая собранность...

Так началось наше знакомство с Кубой.

С первого же дня — встречи, беседы, разговоры. В Доме молодых повстанцев, в Институте дружбы народов, в редакциях газет... Горячие, взволнованные разговоры и — вопросы, вопросы... Как работает советская молодежь? Платит ли за учебу в советских школах? Как организована наша комсомол? Какие права пользуются у нас женщины? И повсюду мы слышали слова «Вина русов!», «Вина комсомол!».

ДЕНЬ НА ПЛАСА СИВИКА

Новый год Куба праздновала вместе с годовщиной своей революции. В 11 часов утра 2 января в Гаване, на Гражданской площади, украшенной флагами и лозунгами, начался военный парад. Через площадь двигались части повстанческой армии: пехота, артиллерия, танки. За ними до самого вечера шли отряды крестьянской и рабочей милиции, вооруженная молодежь, ребята по 16—18 лет, шла, сжимая винтовки, девушки, — шла юная Куба, взятая в руки оружием, чтобы заковать свою свободу. С восторгом приветствовали кубинцы каждый новый отряд. Сотни тысяч людей скандировали: «Восперемос!» — «Победим!».

На параде было много иностранных гостей, в том числе несколько сот американцев, приехавших специально к этому дню. Рядом с нами сидела средних лет женщина из Нью-Йорка. — Какая замечательная страна, какой замечательный на-

род! — повторила она буквально со слезами. — Вы не судите одинаково обо всех, — обратилась она к нам, — американцы ведь бывают разные...

Да, американцы бывают разные и ведут себя тоже по-разному; на площади в лучах прожекторов появилась машина с обломками американской ракеты. Что тут началось! Ойес, шум, возгласы: «Куба — да! Янки — нет!», «Паредон!» — «К стенке!». Мы думали, что эту машину просто сметут...

После парада должен был говорить Фидель Кастро, но пальцы почваля он не мог писать: ни на минуту не затикали овалы, крики: «Фидель!», «С Фиделем победим!». Оркестр начал играть кубинский национальный гимн, народ тут же подхватывал его и хором шел до конца. Прекращались пение, и снова овации... Едва Фидель Кастро стал выступать, как пошел дождь. Тогда Кастро предложил перенести речь, но сотни тысяч гаванцев, заполнивших площадь, не хотели и слышать об этом. «Давай, Фи-

областях: в медицине, сельском хозяйстве, кулинарии, швейном деле...

Когда мы приехали, большая группа девушек сидела у проигрывателя; у них были с собой пластинки с советскими песнями, и скоро весь лагерь, затая дыхание, слушал наши молодежные песни... Потом мы все вместе обедали под открытым небом и спрашивали друг друга обо всем, что нас волновало. Говорил девушка, говорил приехавший с нами Джозель Иглесиас, которого в лагере все хорошо знают, рассказывала и я о себе: о том, как работала, как училась без отрыва от производства, как занималась хореографией в Доме культуры, о том, что все это бесплатно, что люблю нужную мне для занятий книгу и всегда могу взять в нашей библиотеке...

В лагере кружностей еще немало. Не хватает материалов для строительства, нелегко порой проходит переоснащение. В лагере «Кладовиря» знают и любят Макаренко. «Прислайте нам все его книги!» — просили нас и еще

НЕДАЛЕКО ОТ ГАВАНОС ОТКРЫТА ЖЕНСКАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ ГДЕ ДЕВОЧКИ ПОЛУЧАЮТ ОБРАЗОВАНИЕ И ОВЛАДЕВАЮТ РАЗЛИЧНЫМИ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМИ.

нужу: ходила, обняв меня или Кирю Фивенскую...

Забота вперед, надо сказать, что накануне нашего отлета с Кубы вместе с Линдой к нам в номер пришла ее мать. Как оказалось, Линда попросила собрать ей теплые вещи и заявила, что она полетит в Москву вместе со своими большими друзьями... — Наше приглашение, Линд, — сказал ей Павлов, — остается в

ним отрядом батистосцев, имеющих все, вплоть до танков, и разбил их.

Теперь Сьерра-Маэстра снова в авангарде борьбы — борьбы за народное образование. В горах строится школьный городок-интернат имени Камилло Сьенфугоса для 20 тысяч детей — в память 20 тысяч жертв террора Батисты.

Мы побывали в одной части

ВОЙНЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ В ГОРАХ СЬЕРРА-МАЭСТРА.

дела! Давай!» — неслось над толпой.

Премьер-министр молодой республики говорил о задачах революции, о решимости народа бороться до конца, о единственности. «Куба не отдаст свои завоевания!».

«ПРИНИМИТЕ МАКАРЕНКУ!»

Через несколько дней мы посетили лагерь «Кладовиря» недалеко от Гаваны. На большой красивой территории бывшего поместья живут девочки и девушки от 12 до 18 лет — дети самых бедных родителей, сироты, те, кому режим Батисты лишил семью, выгнал из школы. Пока в лагере несколько сот девушек, но рассчитан он на 10 тысяч; с помощью молодых повстанцев здесь строятся дома, фермы, спортивные площадки, больница, кинопередвижка. Девушки учатся, занимаются физкультурой и в зависимости от желания и способностей получают необходимые трудовые навыки в различных

говорила о том, что хорошо бы жить и работать в лагере вместе с советскими девушками, учиться у них русскому языку.

Однажды, еще до поездки в этот лагерь, к нам в гостию приходила маленькая девочка. У нее были огромные красивые глаза, длинные черные волосы и, как на носу, темная-зеленая тямистерка с синей юбкой. Линде (Линда по-испански значит «прекрасная») 12 лет. Но вместе со старшими девушками и матерью она участвовала в походах, делала по тридцать с лишним километров в день.

— Тяжело? Нет, — ответила нам Линда, — я знаю, что это нужно для Родины, — Фидель сказал...

Мы с ней быстро подружились, много рассказывали о нашей стране, о школах, пионерских лагерях. «Приезжай к нам, тебя встретят наши пионеры», — сказала часто заходя к нам в Гавану, а теперь мы ее встретили в лагере, и она не покидала нас ни на ми-

нутой, но сейчас у нас очень холодно, и ты пока учишь, помогай маме и нашим нам, как будешь идти твои дела. А в Москве мы встретимся обязательно!

...На обратном пути из лагеря мы обогнали большую колонну народной милиции. Вооруженные рабочие, крестьяне, студенты шли занимать позиции на берегу Мексиканского залива — США уже разорвали дипломатические отношения с Республикой Куба.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Город Сант-Яго де Куба называют колыбелью революции. Здесь, в горах Сьерра-Маэстра, началась освободительная борьба повстанцев Фиделя Кастро с войсками диктатора Батисты. Майор Акоста, командант города Вай-Акоса, расположенного к северу от Сант-Яго де Куба, посылал нам места боев, где он был убит. Фидель Кастро в горах, где он возглавлял партизанский отряд батистосцев, где

этого городка, где уже живут и учатся 600 детей, находящихся на полном обеспечении государства. У них прекрасные аудитории для занятий, спальни, столовые, огромный парк. Ребята растут не белоручками: они изучают сельское хозяйство, работают в поле, помогают своим учителям. Неизменный гость здесь — Фидель Кастро; когда его спрашивают, почему он так часто бывает в городке, он отвечает: «Там учатся дети моих товарищей по борьбе, поэтому кто, как не я, должен о них заботиться?»

За созданием школьного городка в горах Сьерра-Маэстра с любовью и заботой следит весь Куба: ведь до революции 90 процентов детей в стране были беспризорными!

1961 год назван на Кубе «годом образования». Десетки тысяч учителей-добровольцев пришли работать во все уголки страны, все бывшие

КОГДА МЫ ПРИЕХАЛИ К ФИДЕЛЬЮ КАСТРО, ОН БЕСЕДОВАЛ СО СВОИМИ ВОСПИТАНИЦАМИ.

вой страной Латинской Америки, полностью удовлетворяющей потребности в школьном образовании.

Где бы мы ни были, мы повсюду видели людей с книгой: во время обеденного перерыва, в дороге, на отдыхе, в окопах. «Если не знаешь — учишь, если знаешь — учи: для себя и для Кубы» — вот сегодня лозунг всех. К концу года в стране не должно остаться ни одного неграмотного; в июле сейчас третья часть кубинцев еще не умеет читать и писать: власти Батисты не жалели денег только на церковь...

Мне вспоминается пожилой негр — сторож Института друзей народов в Гаване. В пятидесятый лет он впервые пошел в школу. Взяв у меня блокнот, он с гордостью написал свое имя и фамилию: «Аполонио Родригес».

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РЕВОЛЮЦИИ

В один из дней нам сообщили, что нас ждет Фидель Кастро.

И вот мы у него дома... Фидель Кастро сидел во дворе, окруженный со всех сторон деть-

ми — своими воспитанницами, которые жгут вместе с ним. Такое знакомое по фотографичному лицу, расстегнутая гимнастерка, высокие горные ботинки... В доме мыли полы, и Фидель, спривая: «Ничего?» — повел нас на террасу через кухню, шагая метрными шагами.

Больше всего меня в нем поразили темперамент, энергия, интерес и внимание буквально ко всему. Не знаешь, о чем он будет говорить в следующую минуту: о сельском хозяйстве или о подводных лодках, о строительстве или об искусстве. Фидель Кастро хорошо знает советскую литературу и кино, с удовольствием вспоминал о кинофильме «Сергея»: «Я от души смеялся и плакал с этим Сергеем!». Не приходите, конечно, говорить о том, что все происходило на Кубе, ему известно до мелочей. Он помнит тысячи самых разнообразных дел, знает по именам сотни людей. Нам рассказывали, что крестьяне, работая, привалили поглядывать на небо: Фидель часто спускается на поля на вертолете. Зашла речь о сельскохозяйственных кооперативах.

— А народные фермы вы ви-

дели? Я вам покажу, — загорелся Фидель Кастро. — За ними будущее!

Кто-то напомнил, что вечером ему выступать перед учителями.

— Нет, покажу все-таки! — решил он.

По дороге на ферму, в Лос-Пинос, разговор продолжался. Сергей Павлов сказал, что не может не вымолвить изумления все достигнутое в стране за два года. Фидель хитро улыбнулся и ответил:

— Мой друг, ты не прав. Это не только за два года... Сорочин года назад была ваша революция!

На ферме Фидель Кастро сразу же отпустил рабочих. «Здравствуй, Фидель!», «Как ты себя чувствуешь, Фидель?», «Почему ты у нас долго не был, Фидель?», — несло со всех сторон. Когда осматривали свинец, Фидель стал расспрашивать Леонтия Лукашевского о его работе.

— А знаешь, жаль вот здесь свинца с семнадцатого поросатом! Где оно? — обратился Фидель к рабочим.

Оказалось, что пока его не было на ферме, свинью перевели в другое место.

Возвращаясь со свинофермы, Фидель Кастро обнял Лукашевского за плечи:

— Ну, у кого свинья лучше? Ничего, скоро и у нас будет так же, построим новые, большие фермы...

Потом Фидель сам угодил всех нас молоком и тоже спрашивал, какое оно, вкусное ли.

Ехали назад уже в темноте. Но встречные все равно узнавали Кастро, кричали ему, во время остановок обступали, похлопывали по руке, смеялись. У Фиделя кончилась сигарета, и мы подыкали к маленькому магазинчику. Оттуда выбежала девочка и, узнав, в чем дело, принесла коробку сигар: «Это же твои, Фидель!». Кастро взял одну сигару, и потом, подмигнув нам, тихонько прихватил вторую: «На вечер!»

Вместе с Фиделем Кастро мы поехали на митинг учителей. Когда он быстрыми шагами подошел к микрофону, слова, как всегда, началось что-то необычайное. Тысячи людей скандировали в рифму: «Фидель, Фидель, что у тебя есть такого, что американцы ничего не могут с тобой поделать?»

— И если придут враги, — сказал Кастро, — мы будем защищать каждый дом, даже каждый этаж, будем защищать даже пальцы на ваших руках!»

И опять тысяча, царившая во время его речи, взорвалась криками «Родина или смерть!»

Три недели на Кубе промчались для нашей делегации, как один день. Уже незадолго до возвращения домой нам удалось поехать на текстильный комбина-

те в Гаване. Понятно, что мне это было особенно интересно.

С промывками из Дома молодых повстанцев мы ознакомились производство, прошли по цехам и, как повсюду, отвечали на бесчисленные вопросы: о Советском Союзе, о Москве, о себе и своей работе. Меня больше всего спрашивали школьниками рабочей молодежи, о том, как у нас организовано профессиональное обучение, о совмещении профессий. Пока еще на комбинате новых рабочих обучают прямо на производстве, на практике, без изучения технологии. Лишь tecnici специально учатся три месяца.

Предильные машины — рабочие показывали их нам с гордостью — оказались античными. Машины неплохие, были такие же и на нашей «Трехгорке» до реконструкции, но сейчас у нас работают более совершенные, отечественные.

На одной из машин оборачивались нити. Я не утерпела — запровадила, почистила валик, и так это всем почему-то понравилось, что даже оборачивать стали... Предлагали прокатывать у них, «Раз вы говорите, что вы свое семилетку выполнили, уровня 1965 года уже достигли, вполне можете на два года остаться!»

...Трудно рассказать обо всех впечатлениях, передать все, что мы увидели на далеком зеленом острове, народ которого взял свою судьбу в собственные руки. Вспоминаются и проводы молодых повстанцев, которые являлись себе для защиты Родины, пять раз поднимаются на пик Туркино; и стихийный митинг поздно вечером у нашей гостиницы в городе Майари, вопросы о том, когда на Кубу придет Хрущев — каждый кубинец помнит его выступление на Генеральной Ассамблее ООН; и рабочих в этом же городе, пришедший нам сказать, что его обучает советский специалист и строится новое новое рыбачье поселка в Мансанильо; и звучание похвалу слова Эрнесто Гевара: «Революция — значит строить».

У меня перед глазами вечер в горах Лос-Пинарес, в лагере Ассоциация молодых повстанцев. Освещенные прожекторами, мы стояли на неустойчивом, качающемся от прикосновения детских рук в джунглях. Со всех сторон на темноту выступали сотни незнакомых молодых лиц. Но лишь Сергей Павлов стал говорить, рассказывая о нашей молодежи, о комсомоле, все мы почувствовали подлинную волю нас горячую волю дружеского и понимания...

Это ощущение близости не покидало нас ни на минуту, когда мы находились на прекрасной кубинской земле, и оно не покинет нас никогда.

Г. АРЦЫШЕВСКАЯ,
работница комбината
«Трехгорная мануфактура»

ВСЮДУ, ГДЕ БЫ НИ ПОЯВЛЯЛАСЬ ДЕЛЕГАЦИЯ ВЛКСМ, ЕЕ ЖДАЛ ГОРЯЧИЙ БРАТСКИЙ ПРИЕМ...

«МЫ, МОЛОДЫЕ ПОВСТАНЦЫ ПРИВЕТСТВУЕМ НАШИХ БРАТЬЕВ-КОМЗМОНЦЕВ: ЭТИМ ПЛАКАТОМ АССОЦИАЦИЯ МОЛОДЫХ ПОВСТАНЦЕВ ПРИВЕТСТВОВАЛА ПОСЛАНЦЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

